

Переговорщик

Автор:

[Сергей Гатаулин](#)

Переговорщик

Сергей Григорьевич Гатаулин

Раз за разом эпидемии уносят всё больше жизней. Все попытки борьбы с вирусами приводят к тому, что на смену одному врагу приходит другой. Но так было, пока государства и люди боролись с болезнями. Как только врагом сделали больных, положение изменилось. Резервации для больных и карантинные зоны стали реальностью, но вопросы остались. Главный из них – стал ли мир после этого безопаснее и что может произойти, когда больных и заразных станет больше, чем здоровых?

День памяти

Пустые граненые стаканы, громко звякнув, подпрыгнули над выцветшей, с жирными пятнами, скатертью. Кулак гулко впечатался в толстую столешницу, и только благодаря ему я не рухнул на пол. Упираясь в стол побелевшими костяшками пальцев, обвел притихших гостей мутными, осоловевшими глазами.

– Хочу выпить за город без заразных. Чтобы завтра мы проснулись, а они все сдохли... И нам некого было охранять, – хватаясь за стул, я в очередной раз качнулся, громыхнул кулаком по столу, налил себе полный стакан мутного перегона и впился взглядом в недовольную физиономию Крота.

Пожилые мужики были когда-то друзьями моего отца, и только поэтому я терпел их выходки весь вечер.

Кирза, Самопал, Затвор – все из старой гвардии. Крепкие и упрямые, все они не один раз побывали за МКАДом, сотни раз участвовали в боевых операциях. А сейчас молчали. Опустив седые головы, буравили обшарпанные доски пола виноватыми взглядами, словно именно они виноваты в смерти моего отца. Только Крот заметно перебрал и, хотя с трудом держался на ногах, продолжал вскакивать и тянуться к большой пузатой бутылке.

– Палыч, кончай борзеть! Нажрался – веди себя прилично. Мы не для того здесь собрались. – Запал в очередной раз отодвинул громадный бутыль подальше от Крота.

– Я бы тоже глотнул пере-гона за... ик!.. Чтобы некого охранять... – Крот опасно покачивался, с трудом справлялся с заплетающимся языком, но упорно находил пьяным взглядом чужие стаканы и тянул к ним подрагивающую руку. – А еще я бы выпил за Переговорщика, – на какой-то миг он пришел в себя, повысил голос, но тут же скис. – Ик!.. Хороший мужик был твой батя, Серега. А майор, что? Ик!.. Скотина. Ик!

Я слушал Крота и закипал, как чайник, гудевший на печке-буржуйке в углу комнаты. Нельзя позволять пьяному рядовому поганить имя доблестного майора, нельзя забывать дружбу командира с моим отцом. Сколько себя помню, они всегда были рядом и по жизни, и на службе. И умер отец на руках у майора. Тогда они, правда, были лейтенантами: и отец, и дядя Саша.

В те времена общегородское командование, заседавшее в Кремле, думало, что все еще руководит страной. Оно периодически пыталось вспоминать о людях, живущих за кольцом. И, несмотря на полную уверенность здоровых граждан, что, кроме заразных, за МКАДом никого не осталось, отправляло в пригород одну экспедицию за другой.

Не знаю, зачем, но каждые полгода мой отец и дядя Саша исчезали на несколько дней, иногда недель, а когда появлялись, грязные, небритые и уставшие, для меня наступал праздник. Я перебирался из ненавистного детдома с рядами многоэтажных кроватей в нашу квартиру и запоем читал старые книги, которые отец приносил в своем вещмешке. И дядя Саша в такие дни всегда был рядом, всегда – папа и он, всегда вместе, как и полагается настоящим друзьям.

Это потом, когда отца после очередного похода разжаловали, и нас выселили в угловую комнату в казарме, он почему-то стал появляться все реже и реже, а через какое-то время и вовсе исчез из нашей жизни. Но в последний поход они ушли вместе, только отец остался там, в лесах Подмосковья, среди заразных, а дядя Саша вернулся и рассказал всем, каким героем был его друг, мой отец, и как он погиб, выполняя свой долг.

– Его ошибкой было то, что он верил заразным, твердил о каком-то сотрудничестве с ними. Его убили именно в тот момент, когда он пытался с ними договориться. Нельзя с инфицированными вести переговоры. Ни-ког-да! Эти лживые твари только и ждут, когда ты повернешься спиной, чтобы подло напасть на тебя сзади. Никогда не забывай об этом, малыш! – заявил дядя Саша, забирая меня из детского дома.

Он приютил меня у себя, а когда я подрос, добился места в казарме, где я мог жить на правах одного из бойцов. С этого момента началась моя боевая биография.

Потом я узнал, что после смерти отца экспедиции за МКАД запретили. Это дядя Саша, став капитаном, сумел убедить наше командование прервать всякую связь с внешним миром. Провинция и раньше не особо праздновала нас – москвичей. Завидовала благополучию Москвы. Ведь мы всегда жили стабильно. Плохо ли, хорошо ли, но стабильно. А теперь, когда общество разделилось на здоровых и заразных, и подавно – москвиты стали врагами всего оставшегося мира. Ведь ни для кого не секрет, что кроме Москвы не осталось места, которое бы ни захлестнули различные эпидемии.

Мы с дядей Сашей жили душа в душу. Он учил меня и воспитывал как сына. Очень скоро я понял, что нет на белом свете человека роднее и ближе, чем он. Он заменил мне отца, в котором я тогда, как и любой пацан, так сильно нуждался. Он дал мне все, что у меня есть, все, что я знаю, что умею.

Когда его повысили до майора, а я перебрался в казарму, мы стали встречаться реже и реже. Он, казалось, позабыл обо мне. Но к этому времени я уже стал соображать, как взрослый, и понял, что у него и без меня забот по самое не могу. Откуда время, ведь он теперь отвечал за целый гарнизон. А это ого-го какая ответственность! Каждого защитить, каждому помощи.

Были, правда, в Коньково и более важные шишки, но они скорее походили на солидные портреты в красивых пыльных рамах на стенах кабинетов – смотрится неплохо, а толку, что муха насрала. Взять того же полковника Кудасова. Старого пердуна уже давно можно было зацементировать и установить на постаменте перед входом в подземку. Там он точно приносил бы больше пользы жителям района, чем в своем кабинете. Чванливый себялюбивый толстяк не замечал никого вокруг. Да и его мало кто видел вживую. На самом деле нашим гарнизоном давно уже управлял дядя Саша. Судьба целого района, жизнь нескольких тысяч людей была в его руках.

Могу ли я в таких условиях требовать для себя каких-то привилегий? Конечно же, нет! Настоящий боец не нуждается в особом отношении командира. Он – один из всех. Часть целого. Винтик в отлаженном механизме.

А я? Кто такой я?

Вот именно! Один из бойцов под началом майора. Один из многих. И не больше.

Напрасно Крот сейчас пытается лезть в бутылку: командир никогда не забывал ни обо мне, ни о моем отце, ни о нашей давней и долгой, длинной в целую жизнь дружбе. А то, что он сегодня не пришел на годовщину смерти отца, вовсе не значит, что он забыл о ней. Наверняка дел невпроворот. О живых нужно думать, о пока еще здоровых, тех, которые вокруг нас, тех, которые требуют стабильной, спокойной жизни. Чтобы здоровые жили в оставшихся домах, окружающих, как правило, выходы из подземки, а больные – там, где им и положено – в зонах отчуждения. Вот только откуда обо всем этом знать пьяному старпёру, если он ничего, кроме своего штрафного изолятора, последние десять лет не видит. Пригрел, сука, задницу в теплом подвале. Там, среди трусов, предателей, только что заразившихся, ожидающих отправки под землю, геройство ни к чему – там собирают отбросы общества перед исполнением приговора. И получается, что Крот – охранник свалки. Ни больше, ни меньше. Ну, и мысли у него, значит, соответствующие.

Мое терпение не безгранично и то, что я сам пригласил друзей отца, вовсе не означало, что они могут поливать дерьмом моего командира. Весь вечер я терпел пьяные закидоны Крота, но когда он, в очередной раз ругая майора, поднялся со стула и смачно харкнул, я не выдержал и резко качнулся ему навстречу. На какое-то мгновение ярость вытолкнула хмельной дурман из моей головы. Кровь бросилась в глаза. Багровая пелена застила предметы, искажая

лица людей, превратила их в расплывчатые злобные хари.

– Гов-варю вам, э-та Дубинский виноват в смерти Пере-гаворщика, – Крот широко разевал рот, стараясь говорить внятно. Вот только перебрал он крепко – слова растягивались, рвались на куски, но продолжали терзать мою захмелевшую душу. Я смотрел на белую пену в уголках его рта, видел тонкую ниточку слюны, цепляющуюся за нижнюю губу. Растягиваясь, как и слова, она готова была сорваться вниз.

– Заткнись, сука!

Кулак рванулся вперед и, найдя небритую физиономию Крота, воткнулся в мощный квадратный подбородок. Противно хрястнула челюсть.

Я споткнулся. Теряя равновесие, непослушное тело мотнулось вслед за рукой и наступила серая пустота...

Похмелье

Черт, как спать хочется!

Выныривая из теплого небытия в болезненную реальность, я вытащил тяжелые ноги из-под старого байкового одеяла и пошевелил непослушными пальцами.

Ну, я вчера и набрался! Ничего не помню: как мужики разошлись, как спать улегся? Хотя, нет, приход майора помню. Вот они ругаются с Кротом, и тот тащит из-за пазухи пистолет. А дальше?

С трудом отрывая чугунную голову от подушки, я недовольно фыркнул. Пошамкал растрескавшимися пересохшими губами, шевельнул шершавым, покрытым вонючим налетом языком, напоминающим сейчас подошву старого сапога. В мозгах шелохнулся громадный кирпич, поселившийся там после вчерашней пьянки. Он, казалось, весь состоял из острых углов, которые топорщились во все стороны и, задевая мозги, вызывали резкие болевые спазмы.

Невыносимые ощущения. Шевелиться не хочется.

Как эти заразные живут со своими болячками десятки лет, если здоровый мужик, выпив на сон грядущий пару стаканов крепкого пойла, без головной боли с утра встать не может? Посмотришь на бродящих за колючей проволокой задохликов, ходят как приведения, никогда не подумаешь, что каждый из них – страшный агрегат, смертельная машина, живой инкубатор, производящий вирусы, которые только и ждут, как бы вырваться наружу и найти новое пристанище для себя и своих родственников. И этот агрегат может функционировать не один год, выдавая на гора миллиарды миллиардов невидимых киллеров.

– Сержант Белов, вас вызывает майор Дубинский! – противно зашипел висевший на противоположной стене кубик радио-информатора. – Сержант Белов...

Резкие звуки разрывали мою голову на части. Кирпич в голове превратился в острое лезвие, которое резало мозг по живому. Я выпростал руку из-под выцветшего, местами протертого до дыр, одеяла, тяжело и протяжно вздохнул. Перевернулся набок, пошарил сонными глазами по полу.

Где же он?

А вот!

Тяжелый армейский ботинок внезапно оказался в моей руке, на секунду завис в воздухе, выцеливая источник мерзкого звука. Затем не приспособленный для полетов снаряд метнулся к стене.

Пластиковая коробка громко хрустнула. Радио хрюкнуло, издало короткий жалкий хрип и смолкло.

«Мастерство не пропьешь», – подумал я, когда ненавистные динамики заткнулись.

За пять лет я дослужился до сержанта, но – это если дурака валять. А если говорить серьезно, как был я сержантом, когда меня зачислили в заградители, так и болтаюсь по служебной лестнице, то добираясь до лейтенанта, то падая

ВНИЗ.

«Азинус буридани интер дуо прата», – повторяет дядя Саша, когда я в очередной раз опускаюсь по служебной лестнице. На вопрос, что он имел в виду, поясняет: «Ты, как буриданов осел, застрял между двумя лужайками с сочной травой. Не знаешь, какую выбрать».

Станешь еще капитаном и даже полковником, говорит он, хотя, я-то вижу, что в последнее время он все больше смотрит на меня с укором и какой-то затаенной непонятной грустью, как будто знает обо мне что-то такое, что мне пока еще недоступно, что-то из моего будущего. Ты так похож на своего отца, повторяет он и вздыхает. Понятно. Наверняка, друга в этот момент вспоминает.

Впрочем, о чем это я? Майор – кремень, образец непримиримости к врагу, стальной человек. А грусть и жалость – удел слабаков и никчемных соплежув.

Как бы то ни было, но за время службы я два раза дорастал до лейтенанта, и два раза был разжалован за излишнюю мягкость в отношении охраняемых. Один раз гонял куском арматуры молоденького вича, когда тот прорвался в жилую зону через запретку. Вместо того, чтобы пристрелить заразного, как предписывает устав караульной службы, я рассек ему ржавым прутом икру до самого колена так, что он бегать никогда в жизни не сможет. Да и не будет у него больше жизни. С его-то иммунной системой и такой раной долго не протянет. Однако, как говорит наш командир, я «подверг риску население Коньковского гарнизона и должен был понести адекватное наказание».

Второй раз меня разжаловали, когда я проворонил нападение вичей на одного из новобранцев-охранников. Ну, не мог я подумать, что этот идиот устроит пикник прямо возле колючки. Да ладно бы сухпай грыз, если жрать так охота. Нет! Этот придурок где-то голубя подстрелил, костер развел и... Исчез любитель голубятинки – обвинили меня. Что тут скажешь, воруют ведь вичи наших вояк. Я, как непосредственный командир, должен был его контролировать. Должен! Но я же не нянька, ходить за ним по пятам.

А может, он сам дезертировал? Кто сейчас будет разбираться?

Может, и врут те, кто доказывает с пеной у рта, что доходяги крадут здоровых крепких парней. Ведь список исчезнувших заградителей постоянно растет.

Исчезают только молодые и здоровые. Почему бы не предположить, что их утаскивают вичи в свои катакомбы. Правда это или нет, но бойцы исчезают, а разговоры ведутся. Даже в нашем гарнизоне за последний год больше ста человек пропало. И это притом, что дееспособных бойцов у нас в гарнизоне сейчас всего несколько сотен осталось. Новобранцев и запасников полно, хромых, убогих – каждый второй, а действующих опытных вояк – с гулькин нос.

Так что задерживался я в лейтенантах оба раза недолго. Ни дня в офицерском общежитии не прожил. Не успевал вселиться даже. Да и ладно – не жили красиво, не будем привыкать.

Рожденный заградителем не станет чистильщиком, говорит Марта, когда мы обсуждаем мою карьеру. Зачем тебе это? Может, займешься чем-нибудь другим? Есть же дела и у гражданских.

Не знаю, может она права, может, не мое это! Но и отец мой был отменным бойцом, и я с самого детства рядом с армейскими. Нет! Кем я еще могу быть? Мерзкие мысли! Лезут в голову, выбирая самый неподходящий момент, сбивают с толку.

Марта – моя девушка. Мы познакомились пять лет назад, когда я спас ее от инфицированных. Возвращаясь с курсов определителей, в соседней подворотне я услышал крики. Конечно же, я поспешил на помощь, и в тот момент, когда прибыл на место, самый здоровый вича... Черт! Здоровый вича – смешно получается. В общем, подросел я вовремя. Заразные подонки пытались изнасиловать бедную девушку. А может, это были дикие вичи. Живут же такие в развалинах, пока мы их не поймаем и не отправим в карантин.

Раскидал я ублюдков без особого труда. Не зря же всю свою сознательную жизнь занимался рукопашкой. В наше время – хочешь жить, умей постоять за себя. Кругом враги, даже тот, кого сегодня считаешь другом, может завтра ударить в спину, за... да мало ли за что! За бутылку перегона с бодуна пристрелит, не задумываясь, за теплые шмотки зимой, за пачку махорки.

Злобные лица и сейчас стоят у меня перед глазами. Таких тварей я не видел ни до, ни после того случая. Синие, опухшие, покрытые жуткими язвами – как в дурном сне. Хотя, и в самом страшном сне не увидишь столь отвратительных физиономий. Короче, судя по описаниям в старых учебниках, это были больные

на последней стадии СПИДа, дай бог памяти... а, вот – термальной! То есть амба сволочам, конец скоро должен прийти. А они? Вместо того, чтобы лежать и подышать где-нибудь в темном туннеле подземки или прятаться в развалинах, лезут в жилую зону – к здоровым их тянет, видишь ли.

А действительно, что же гонит их на открытый воздух? Ведь здесь в любой момент можно пулю в лоб схлопотать. Любой заградитель, чуточку сдрейфив, рванет спусковой крючок. Да просто так – рука дрогнет! И не важно – специально он палить начал или случайно. Конечно, по уставу в таких случаях должно проводиться служебное расследование. Но уставу нашему в обед триста лет, а в жизни – кому нужны разборки? Да и было бы из-за кого. Вичи – они и в Африке вичи.

«В зоне их трогать нельзя, но и наружу выпускать ни в коем случае. Попытка вырваться из зоны отчуждения должна пресекаться любыми доступными средствами», – утверждает наш майор, дядя Саша. Вот это я понимаю! Пусть и не по уставу, но не поспоришь ведь.

Правила, инструкции, объяснительные. Главный принцип – сдерживать заразу в пределах зоны, а если очередная тварь сдохла, кто будет докапываться и выяснять, почему это произошло, и как тело вича оказалось так далеко от колючки? Ведь нарушитель хотел одного – вырваться за периметр. Умирая, отполз, гад! Не веришь, бери труп и обследуй, коли кишка не тонка! И неважно, вича он, гепат, хрипушник или тубик. Зараза, все одно – всегда при нем, как пятизначный номер на руке у каждого из нас.

Только номер – он снаружи, на коже: едва заметные синие цифры, а зараза – внутри. И никуда он от нее не денешься.

Вот и я говорю, кому нужны разборки? Сдох еще один вича. А дальше? Может, свои назло нам от колючки оттащили, чтобы, значит, наших бойцов запятнать. Кто знает, что у них, заразных, на уме?

Майор, тот улыбается, когда сталкивается с подобными нарушениями устава. Я и сам как-то стал свидетелем: доброволец Зум на глазах Дубинского всю обойму в заразных выпустил. Слегка поцарапался о колючее ограждение и... Понятное дело, трухнул, сучонок! Да так, что контроль над собой потерял. Зло его, видимо, взяло. Плюс страх. Ведь в один момент можно самому превратиться в

вичу. А на ком еще, кроме инфицированных, отыгрываться?

За колючкой в это время несколько стариков грелось на солнце. И как эти гнилушки до старости умудряются доживать? Может, лекарства где-то остались, еще с тех пор, как их лечить пробовали? Ведь не врет же майор, когда говорит, что раньше вичей лечили. Вот только им что-то не понравилось. То ли методы, которыми их пытались спасти от неизбежной смерти, то ли лекарства, которые им давали. Мало кто сейчас знает, что именно. Дядя Саша, по крайней мере, говорит, что не знает. Хотя, я с трудом верю его словам. По мне, так он все о заразных знает.

Выхватил, значит, Зум автомат из-за спины и давай греющуюся на солнце мразь свинцом поливать. Смачно так, с душой спусковой крючок на себя рвет. В глазах огонь – боевой блеск. Хоть и не виноваты вичи в том, что он такой трус, но любо-дорого посмотреть. А за спиной майор стоит и задумчиво так постукивает позолоченной рукояткой тонкой трости по начищенному до блеска сапогу. Кругом шум, гам. Жадный до зрелищ народ собрался. Только майор спокоен. Подтянут, рубаха выглажена, пуговицы на солнце блестят, погоны золотом отливают – картинка в старой книжке! Стоит чуть позади и наблюдает, как новобранец душу отводит. Лицо отстраненное. Улыбается даже. Глаза, по крайней мере, точно ржут. Впрочем, нет, ржут они у простых бойцов, а у майора, все-таки, улыбаются. Постоял майор, посмотрел, потеревил отутюженный до болезненного хруста черный мундир, и только, когда все трухлявые гнилушки на землю трупами осыпались, приподнял руку в кожаной перчатке и, положив на плечо новобранца, громко рявкнул:

– От..ставить!

Зум дернулся, как ужаленный. Обернулся. Собрался уже послать непрошеного указчика куда подальше, но, натыкаясь на ледяной взгляд майора, моментально сник. Глаза к земле, сопит виновато, как пацан, которого отец выпорол и в угол поставил. Осталось только слезу пустить да пальцем в носу поковыряться.

– Хватит землю без толку рыхлить, – улыбнулся наш боевой командир и добавил, кивая в сторону мертвых тел. – Молодца, новобранец! Так держать!

– Рад стараться! – выпучил глаза удивленный Зум.

Он ждал наказания и, обрадованный похвалой, безуспешно пытался втянуть выпирающий живот, очень похожий на походный рюкзак, только одетый не на ту сторону. Со спины, впрочем, Зум также не казался особо поджарым.

Молодчага наш майор – суров к врагам и справедлив к подчиненным.

Ведь зачем мы здесь?

Чтобы гнусь заразная не передавала свои вирусы здоровым людям. Не прорвалась, значит, в ряды добропорядочных сограждан. В наши ряды, то бишь. С этими гадами только так и нужно, а то они на такое способны...

Сам я, конечно, не видел, на что они способны, но вот слышал не один раз. Случаев много, а еще больше рассказчиков. Не люблю я, правда, болтунов. Но порой так трудно разобрать, кто из них кто – кто врет, а кто правду говорит. В голову ведь не залезешь.

Недавно приходил к нам один такой сказочник, Вонючка – с соседнего, Беляевского кордона. Притащился уже под утро. Без сил, весь в крови, как со скотобойни. Руки трясутся, автомат дымится, язык заплетается, глаза навывкат.

– Ночью, – говорит, – когда застава спала, проникли два десятка вичей за нашу колючку и всех заградителей шприцами – раз! Двоих, что помоложе, утащили с собой в подземку. Видимо, чтобы насиловать потом. Мужиков эти твари больше жизни любят. Извращенцы! Что с них возьмешь? За это их бог руками генерала Кожемякина и наказал, – рассказывает Вонючка, а сам руками за пазухой елозит, словно проверяет что-то.

Сержант Ус, стоявший неподалеку, нахмурился, подошел к герою, взял за грудки, да как встряхнет.

– А ты об кого так ствол нагрел, поганка, коли их всего пару десятков было? – рявкнул свободный охотник. – Со шприцами! – кривляясь, передразнил он Вонючку.

– Может, и больше, – выдавил Вонючка, для пущей убедительности выпучивая глаза. – Я что, их считать буду? А насчет шприцев – это ты зря улыбаешься. Сам

знаешь, что оружие у них не хуже нашего. Кое-как отбилась, – Вонючка в очередной раз пошарил рукой под заляпанной кровью курткой.

– От больных со шприцами? – зло прошипел Ус.

Он не переставал встряхивать очумелого рассказчика, словно ожидал, что из того посыплется правда, или то, что спрятано за пазухой.

Вонючка безвольно, как тряпичная кукла, замотал головой из стороны в сторону.

– Когда поняли сволочи, что не взять им меня, под землю рванули. Знают, твари, что там их преследовать не станут. Оно и понятно. Кто же в здравом уме сам в подземку полезет?

Ус скривился, бросил Вонючку на землю и брезгливо отряхнул руки, словно к дерьму прикоснулся.

Зло меня взяло.

– Трепло! – кричу. – Как два десятка никчемных задохликов могут одновременно полусотне обученных бойцов шприцем кровь ввести?

Заерзал Вонючка, заюлил, как змея на раскаленной сковороде.

– Они, тех, кого не успели уколоть, тут же пристрелили, – завопил он, и почему-то спрятал глаза.

Глянул я на Уса в надежде получить подсказку, а он, гад, отвернулся. Изображает, что потерял интерес к разговору – опустил на мешок и устало глаза прикрыл. Дремлет.

– А что стало с теми, кого они укололи? – повернулся я к Вонючке.

Краем глаза вижу, командир приближается, а взгляда от Вонючки оторвать не могу. Что-то странное с ним происходит. Побледнел, трясется, окровавленные руки сжимают автомат до синьки. Смотрю на побелевший указательный палец, вижу, медленно к спусковому крючку тянется.

Ах, ты, сучара! Это же ты... своих. Что же, думаю, вы не поделили? А сам медленно автомат из-под локтя тяну. Шаг в сторону.

- Отставить! - крик майора расколол тишину.

Сбоку Ус закричал:

- Оставь ты это дерьмо, пока он от страха и тебя не шлепнул. Страшны не герои в рядах противника - страшны трусы в своих.

- Разговорчики! - майор уперся тростью в грудь вытянувшегося во фронт сержанта Вонева. - Боец, зааа мной! - Рывнул. Повернулся и, не оглядываясь, двинулся к штабу.

И больше мы Вонючку не видели. Зато очень скоро услышали о назначении командиром Беляевского гарнизона лейтенанта Владимира Вонева. Лейтенант и командир гарнизона. За проявленную, значит, доблесть. Вот такой вот компот получается. Герой, говорите. Не знаю, может оно и так, может, бывают особые случаи, когда нужно и своих, и заразных, для пользы общего дела, но... должен же быть какой-то порядок, какие-то правила. А может быть, правду говорил Вонючка? Я тоже ненавижу заразных, терпеть не могу, всех бы... особенно тех, кто на поверхность рвется любыми путями.

Ходят слухи, что в последние дни всех инфицированных обуревают жажда мести, якобы вирус, пожирающий их организм, гонит их к здоровым людям - чтобы жертв побольше, значит, было. Как же, скопом помирать всегда проще. Послушаешь таких героев, как Вонючка, - и вздрагивать при каждом шорохе начинаешь. Как ни прикидывай, жутковатая картина получается. После этого и Зума поймешь - кому же хочется в подземку к вичам?

А майор? Ему я верю. Безоговорочно. Он нам всем как бог и родной отец одновременно. Дядя Саша своих ребят в беде не оставит, из любого дерьма вытащит. Так было всегда. И если сказал он, что Вонючка достоин быть лейтенантом, так тому и быть. Кто мы такие, чтобы его решения обсуждать. Вонючка не нравится? Да и черт с ним! Не баба.

Ус – здоровенный детина, с громадными кулаками и непривычно добрыми глазами. Он из подразделения счетчиков. Тех, которые бродят по развалинам и ищут людей. Здоровых и больных. Перепись производят. Неплохой мужик. Иногда мне даже кажется, что он мог бы стать моим другом. Таких единицы. Только добрый он слишком, и думает много, мусолит каждую мысль, как будто автомат чистит – не торопясь, с чувством, с толком, с расстановкой. Это же надо до такого додуматься: вичей больными называть или того хуже – положительными. Вот у меня, сейчас голова с похмелья трещит, я страдаю – я больной, значит. А они? Положительные?! Ха, ха! Это они то положительные! А мы тогда, что – отрицательные? Положительные – хорошие, а мы, значит, плохие. Дурак, Ус! Так он до цугундера договорится. Нашел, тоже мне, положительных.

Налюбится, значит, эта мразь друг друга, нажрется галлюциногенных поганок из заброшенных туннелей и кайфует день и ночь без перерыва. Сутками в беспробудном угаре. Нелюди! Говорят, они после этих поганок в темноте сами светиться начинают, сволочи. А еще рассказывают, что бабы у них отдельно от мужиков живут и тоже только друг дружку того... Оно и понятно: и те, и другие – извращенцы! Что с них взять, с заразных?

Вроде всё на местах в моих мыслях и докопаться не до чего, всё разложено по полочкам, но и здесь Ус у меня в башке сомнения посеял. Умеет гад задавать вопросы с подковыркой. В голове от них чесаться начинает, зудит, пока ответ для себя не найдешь.

– Как же, – говорит, – они детей рожают, если только друг дружку того?

Вот уж – вопрос на засыпку. Получается, они не только друг друга ... Тьфу ты, ну ты! Даже думать об этом противно! Только за одно это застрелил бы любого из них. Злюсь я на вопрос Уса и понимаю, что накрепко засел он в моей башке, как ржавый гвоздь в толстой доске. Захочешь – не выдернешь. Ведь действительно, сколько лет прошло, как они под землю спустились, а до сих пор живут. Как так? Не от святого же духа поколение за поколением... Размножаются, значит.

Правда, дядя Саша утверждает, что вместе с вичами в метро ушли жалеющие их родственники, сочувствующие ученые, тогда их называли странным словом – спидиссиденты, и просто извращенцы, которым нравится возиться с живой грязью. Нравится в дерьме ковыряться. Майор их гумиками называет, от слова гуманисты. А заразных – гомиками, уж и не знаю, почему? Умный мужик наш

майор – не чета нашим дуракам, необразованным, и самоучкам вроде меня.

– Вот от них и пошел мутировавший приплод, который и поныне в подземке живет, – говорит дядя Саша.

Не знаю, мутанты они или нет, но неувязка все же остается. Даже после объяснений майора вопросы торчат в голове. Если они мутанты, то как выжили? Как смогли дожить до наших дней? Ведь мутанты не жизнеспособны – это даже я знаю. Или есть исключения, и прав майор? Наверное, я что-то напутал. Не будет же он врать.

– Почему же они не вымерли? – возмущается здоровенный Ус, когда я пытаюсь поделиться с ним сомнениями на этот счет. Как будто мысли мои читает.

Дубинский говорит, что в подземке сейчас живут носители вируса, которые сами могут долго не болеть. Слово он какое-то даже к ним применил. Не наше слово. Сложное, но близкое мне. Я его сразу полюбил, как только услышал. Крепкое, армейское, жесткое. Уж и не знаю, как его можно в разговоре о вичах употреблять. Вот только вспоминается с трудом. Нон.. п.. Нонпрогрессоры! Вот!

Живут, значит, эти самые нонпрогрессоры так долго, что успевают, как крысы, народить бесчисленное потомство. Большая часть выроdkов, конечно же, погибает, но что-то из приплода остается. И живет. Живет и болеет. Да и здоровых людей утаскивают под землю довольно часто. Не только же для развлечений? Может, они нужны для экспериментов. Может, они предназначены для продолжения рода.

А ведь это мысль! Недавно майор, правда, сказал, что вичи могут и из пробирки детей делать, но здесь я ему, как ни стараюсь, поверить не могу. Откуда у них в подземке оборудование для таких операций? Да и вообще, эта технология уже много лет как забыта. Я о ней читал в старой книге. Это он, наверное, для меня придумал, чтобы я меньше голову ломал. Он-то сам точно знает, почему они все не сдохли, но нам не говорит. Правильно! Может, это секрет? Военная тайна. Точно, секретная информация! Да и вообще, оно мне нужно?

Черт! Голова лопнет, если долго об этом думать будешь. Нужна тебя эта гнойная мразь? Пусть себе живут. Пока они в подземке, нам бояться нечего.

Как бы оно ни было, но именно вичи помогли мне встретить Марту. И хотя она до сих пор утверждает, что тогда, в подворотне, они просто пытались отнять у нее сумку с продуктами, а остальное я, мол, у себя в голове дорисовал. Но я-то знаю, что этим сволочам от нее нужно было. И что бы стало с бедной девушкой, не проходи я мимо. Естественно, либо изнасиловали ее, либо просто вогнали несколько кубиков своей заразной крови. В любом случае результат был бы один и тот же. Я же видел у одного из них в руках что-то очень похожее на шприц.

Опять же, зачем им девушка, если они мальчиков любят? Твою же за ногу! Конечно, шприц! Что же еще? Не иголка же для штопанья штанов. Ха! Ведь все знают, что инфицированные везде таскают с собой шприцы, чтобы колоть здоровых граждан. Завидуют, сволочи, здоровым черной завистью. Здоровье! Вот чего у них никогда не будет, а у некоторых никогда и не было. Вернее, у большинства, а еще точнее – у всех. Они ведь уже родились больными. Интересно, как они выживают? И кто позволяет заразным матерям рожать?

А кто им там, в темноте, запретит?

Марта всегда спорила со мной, когда мы вместе вспоминали происшествие в подворотне. Это ты, говорит, со страху напридумывал себе и синие морды, и иголки в руках. А может, они просто хотели еду у меня отнять, голодные были. Я поначалу пытался спорить. Убеждал ее. Но только поначалу. Со временем понял, что скромной девушке неудобно даже представить себе то, что могло произойти в той подворотне. Ну, да ладно! Главное, успел я! И теперь мы с моей голубоглазой скромницей и красавицей вместе. На всю оставшуюся жизнь вместе. До последнего вздоха. Навсегда.

Хотя, до сих пор меня терзают смутные сомнения. Почему, например, Марта не заразилась? Ведь они ее касались, руками лапали, но тестер не дал положительного результата. Я сам ей тестирование провел, и по всем показателям отрицательно. Тестер, как был бесцветным, так и до сих пор остается таким. Ничего не пойму, но рад, что так получилось. Иначе бы у нас с ней не заладилось. Я сдохну, но с заразной дел иметь не буду.

Быстрее бы стать лейтенантом, тогда можно будет просить отдельную квартиру. И жить не в маленькой комнатухе, в казарме, а в хоромах с мебелью.

Говорят, что квартир, с обстановкой и предметами обихода, после великого исхода заразных было необычайно много, но со временем они странным образом опустели. Исчезло все, что могло представлять хоть какой-то интерес. Наверняка бывшие хозяева по ночам выползали из подземки, пробирались сквозь заградительные кордоны и уносили свои пожитки, а что не могли унести, сжигали. Поначалу и кордонов как таковых не было. Так, где могли, заборчик сколотили, где плиты бетонные сдвинули.

Рассказывают, что пожары в те времена вспыхивали каждую ночь. Иногда по несколько раз в сутки. Город непрерывно полыхал, а тушить его некому было. Так и выгорали целые кварталы, оставляя после себя лишь торчащие к небу черные скелеты зданий. В этих районах и сейчас даже днем никого не встретишь. Ни бандитов-одиночек, ни инфицированных. Команды зачистки туда не заходят – боятся. Только безумцы, самые отчаянные счетчики-разведчики, такие как Ус. Это ведь, как в подземку сунуться. Либо убьют, либо заразят. Третьего не дано.

Пожары уничтожали город. Горело все, что могло гореть. Видимо, жалко было вичам оставлять свое имущество. Вот только кому может понадобится их барахло? Где это видано, чтобы здоровый притащил в свой дом вещи инфицированного? Но в то время, когда на поверхности еще оставались сочувствующие вичам идиоты, неоднократно обсуждались слухи о массовом мародерстве здоровых. Кто этому поверит? Только сами вичи, да те, кто их жалеет. Слухи прекратились, когда гумики последовали за своими заразными друзьями в подземные туннели. Еще бы не последовать, ведь после введения обязательного тестирования большинство из них также оказалось вичами. Вот тогда-то и стало понятно, почему они так защищали заразных.

Прежде чем принять закон о принудительном тестировании, долго народ возмущался. Заразных, мол, меньше не станет. Конечно, их в разы больше оказалось, но все они теперь где? Вот именно – в подземке! А так бы жили рядом, и никто не знал, что они инфицированные, пока все от них ни заразились.

– Сегодня продукты выдадут. Люблю тебя, моя девочка, – продиктовал я сообщение информатору, запоздало соображая, что разбил нудную скрипучку. – Меня вызвали.

Правда, хитрый прибор уже не раз побывал на полу, прикидываясь бесполезной грудой запчастей, но всякий раз, после проверки, оказывался исправным.

Дорога на службу

Хлопнув хлипкой, едва державшейся на расшатанных петлях дверью, я прошел через грязную казарму, вышел на улицу и не спеша двинулся к командному пункту. Благо, идти не очень далеко. Бывшая станция подземки в десяти минутах ходьбы.

Придумают же люди небылицы. Одна из них – о том, что когда-то под землей поезда людей перевозили. Длинные змеи из множества вагонов ползали под землей, соединяя различные части большого города. Якобы, человек мог жить в одной части города, а работать в другой. Глупо, конечно, но кто знает, может, так оно и было? В обществе, в котором большая часть – заразные твари, все могло быть.

Ежедневный маршрут от дома до места службы – каждая труба знакома, каждый кирпичик родной, каждая мусорная куча в памяти. Много лет подряд – шаг за шагом. И не надо лезть под землю, чтобы добраться до кордона.

Поезда под землей! Придумают же!

Сравнивая в голове картинку вчерашнюю с видом сегодняшним, я не заметил ничего подозрительного. Все на месте. Развалины, когда-то бывшие человеческим жильем, также выпячивают бетонные разломы, цепляясь за взгляд редкого прохожего осыпающейся кирпичной кладкой, арматурой и ржавыми крюками, торчащими прямо из разрушенных стен. Потемневшие обломки повсюду: на потрескавшихся плитах, на мхе, пробивающемся сквозь островки старого асфальта. Большие и маленькие. Закопченная плоть громадного умирающего города – руины, как следы былой жизни, мусорные кучи, как свидетельства сытого и беспечного существования людей, живших до нас.

Говорят, было время, когда можно было ходить по городу без оружия, и каждый имел по несколько пар обуви, много рубашек и штанов, а также много других, в большинстве своем не очень нужных вещей. И даже совсем ненужных, за

которые сейчас можно схлопотать пулю в лоб. Много лишних вещей. Врут, наверное. Нужно будет расспросить майора об этом.

Сейчас трудно в это поверить, как и в то, что в этом городе когда-то жили миллионы граждан. Не упырей со шприцами, не заразных скрипушников, тубиков или безобидных на первый взгляд гепатов, не бандитов-одиночек, а здоровых граждан. Были, конечно, и больные, страдающие обычными человеческими болячками, теми, которых нет в Основном списке. Это потом оказалось, что большинство из них только прикидывались нормальными гражданами, а на самом деле зараза распространилась настолько, что их, инфицированных, оказалось больше чем нас, здоровых. Гораздо больше. В разы. Если бы у них тогда хватило мозгов и решимости, парились бы мы на их месте в шахтах под землей. И они бы нас сейчас на поверхность не пускали. Но, так или иначе, мы здесь – наверху, а они там – под землей.

Правительство, как говорит дядя Саша, пыталось поначалу помогать всем, лекарства раздавало, но большинство городов за кольцом оказались вне доступа медицинской помощи. Рухнули большие и малые поселения в вирусную воронку. Если бы не решение изолировать заразных и отгородиться от всего остального мира, кто знает, остались бы сейчас здоровые граждане вообще.

Люди в основе своей слишком пассивны, всегда надеются на лучшее. Ждут, когда найдется кто-то, кто за них примет решение. Еще до того, как для вичей выставили лекарственные кормушки, нашлись добрые доктора, которые, разделяя оптимизм пациентов, пытались лечить заразившихся людей сами. Когда те, поплеывая на все человеческие законы, жили в неестественной связи друг с другом, интеллигентные докторишки пытались лечить их своими, только им известными, методами.

– В кормушках яд! – возмущались они. – Он убивает вас быстрее самой болезни.

Может, потому эти твари отказались от помощи, предложенной им правительством.

– Они не виноваты, они просто больные. Нуждающиеся в помощи больные, – утверждали идиоты-гуманисты, едва не погубившие человеческую цивилизацию.

Борьба с вирусом шла ни один десяток лет, и в конце концов стало ясно, что человечество проигрывает бесконечное сражение. Инфицированные (тогда еще больные) могли сами выбирать, как им жить в этом мире. Одни могли принимать лекарства. Другие предпочитали отказаться от таблеток и, заражая других, ждать скорой смерти. Майор говорит, что против вируса не было надежного средства, но те таблетки, которые правительство раздавало всем подряд, хоть и не сильно, но могли сдерживать распространение эпидемии. Но не устраивали они вичей.

Так было до тех пор, пока наиболее умный из здоровых граждан нашей страны, генерал Кожемякин, не нашел истинного виновника эпидемии – заразного. Бывший военный, ученый, разработавший наиболее действенную сыворотку от различных вирусов, иначе говоря, главный вирусолог, очень быстро убедил оставшееся здоровое население страны, что свобода выбора для инфицированного человека не является абсолютной ценностью.

Нельзя позволять инфицированным совершать зло!

С этого момента каждый гражданин был обязан ежемесячно сдавать анализы и проходить тесты. Однако несложной процедуры можно было тем или иным образом избежать. Инфицированных обязали принимать лекарства, строго по расписанию и, что самое главное, под угрозой пожизненного заключения потребовали исключить их контакты со здоровыми людьми. Поначалу под контактами подразумевались половые сношения, но потом решили, что инфицированным лучше вообще воздержаться от любого общения со здоровыми людьми. Хватит им болтовни между собой! Постепенно передвижение пациентов ограничили до квартир, в которых они проживали. Эта мера называлась предупредительной локализацией. Но и этого, по мнению генерала, было недостаточно для безопасности здоровых. Вскоре он предложил переселять заразных людей из дома в дом, из района в район, создавая изолированные зоны с высокой концентрацией зараженных. Ну и, как следствие, здоровых из этих районов как ветром сдуло. Вначале – из резерваций, затем – из соседних с ними домов. Полоса отчуждения между заразными и здоровыми с каждым годом ширилась. Кому же захочется жить рядом с бомбой замедленного действия?

Сколько заразных в подземку отправили, сколько в расход пустили, сейчас уже никто и не скажет. Но вот ведь как бывает. Нашло общество врага в своих рядах, и сразу легче жить стало. Понятнее. С того момента, как борьба с вирусом закончилась и началась война с заразными, у людей наконец-то появилась

надежда на спокойную жизнь.

История умалчивает о темном периоде, начавшемся после смены врага. В учебниках говорится, что инфицированные первое время не хотели мириться с уготованным им положением. Одни не соглашались на переселение, другие отказывались не только от изоляции, но и от лечения. Начались массовые волнения и всеобщая смута. Полосы отчуждения постепенно заселили те, кого не устраивали любые законы, любые правила. И правительство не стало этому препятствовать. Людей не хватало, да и бандиты стали своего рода предохранительной прослойкой, охранниками профилактических зон. Именно так тогда называли поселения инфицированных.

Странные людишки эти вичи. Им лекарство, а они? Сами себе враги. У них, по-видимому, мозгов не хватает. И иммунитет тут ни при чем.

– Удирали, как дети. Прятались в заброшенных домах, в лесопарках, даже убивали себя. Лишь бы избежать лечения, – рассказывал майор так живо, как будто сам присутствовал при этом.

Слава генералу Кожемякину! Хватит ложного гуманизма – война заразным!

Приказ войскам окружить Профилактические зоны и разом покончить с беспорядками и самодеятельностью вичей.

Всю ночь, говорят, думал генерал, оставить в живых заразных, наглухо запечатав районы их проживания, или все же уничтожить всех без исключения. Всю ночь думал, пока не решил: «нужно спасти мир любой ценой!»

И все было бы хорошо, но нашлась какая-то продажная тварь среди командования армией. Проснулись люди с утра, а город пуст. Выставили оцепления. Только поздно. Военные охраняют дома, в которых никого нет. Стоят бойцы и ждут приказа штурмовать пустые здания. Вся эта спидозная шушера, оказывается, ушла под землю и забаррикадировалась в подземке. Ну, не идиоты ли? Уж лучше сдохнуть под солнцем, чем гнить заживо под землей. А им, видишь ли, детей своих жалко, стариков да бабок. Раньше о детях думать надо было, когда от лечения отказывались. И нужно-то было всего ничего, живи под надзором в своей зоне, получай лекарство из кормушки и глотай его тут же. Колючая проволока? Так, где ж ее нет? Как говорит Ус, колючка, она в наших

сердцах и головах проходит. Так нет же! Придурки!

Подумали военные, подумали. Взвесили все за и против. И решили, что, может, оно и к лучшему. Так тому и быть. Отменить уничтожение, пусть сидят под землей. Проголодаются – выйдут, либо сдохнут, что еще лучше. Вот тогда и решим, что с ними дальше делать.

Однако и тут свое мужественное и решительное слово сказал генерал Кожемякин:

– Враг в наших рядах! Никаких возвратов! Никакого лжегуманизма! Оцепить станции подземки, и места выхода туннелей на поверхность обнести колючей проволокой! Выставить отряды заградителей! Чтобы ни один заразный не мог прорваться наружу. Не подпускать инфицированных к здоровым людям и не давать им лекарств – пусть дохнут. Почувствуем угрозу, зальем выходы бетоном и перекроем водоотводные каналы. Или пустим газ в туннели. Нет им больше пути назад. Колючка впереди, подземелье позади. Всех оставшихся в городе подвергнуть принудительной проверке на вирус. В случае неповиновения – расстрел, в случае обнаружения вируса – в метро.

– Уф! – облегченно вздохнул я, приближаясь к стене, образованной несколькими рядами мешков с песком. – Наконец-то кордон!

Судя по тому, как беспечно растянулся на мешках Ус, сегодня вылазок вичей не было. Безмятежно посапывает здоровяк, и это дает основание всему гарнизону охраны расслабиться. У него чувство опасности, как у зверя. Непонятно, как с виду полный дебил (это майор так говорит) может обладать таким нюхом. Кто-то, правда, утверждает, будто у него один из близких ушел в Метро. Мол, иногда родственник этот поднимается на поверхность и предупреждает Уса, но я в это не верю, не люблю слухов, тем более –недоказанных.

Ус – неплохой. О заразных слишком печется, ну так у каждого свой недостаток. Простоватый? Конечно! Но это когда как. Иной раз смотрю на него – и начинает мне казаться, что он только дурака валяет, а на самом деле поумнее других будет. Но вот чего у него не отнимешь, так это его тупой прямоты и абсолютной надежности. Знаю – сдохнет, но не подведет. Такие люди сейчас редкость. Вокруг все больше говнюки, от которых доброго слова не услышишь, не то что сигаретку предложить за разговором, или стаканчик перегона налить не в обмен

на что-то, а так, ради душевности общения. В основном упадочная плесень. «Мы все умрем!» – главный лозунг дня.

Побег

– Привет, Серега! Чой-то видок у тебя сегодня не ахти, – Ус растянул губы в дурацкой улыбке. – Перегон? – спросил и тут же сам ответил: – Нет, вижу, не только он.

Двухметровый здоровяк перестал улыбаться.

– Будь внимательнее! Воняет от тебя неприятностями, – Ус поднялся с мешков и, встав передо мной, упер руки в бока. Пристально посмотрел в глаза. – Нет. Не нравишься, – засопел, потирая лоб толстыми пальцами.

Гигантская пятерня неожиданно сгребла грязные взлохмаченные волосы и рванула тугой пучок кверху. Рыжая шевелюра закрипела, но выдержала. Ус крякнул.

– Ладно, друг, прорвемся, – успокоил я его, однако себя, как ни старался, успокоить не мог.

Груз тревожных слов сержанта повис на моих плечах, прижимая к земле, заставляя вибрировать каждую жилку, тревожа взбрыкивающие мысли.

– Белов, ты где пропадаешь? – загремел за спиной голос дяди Саши. – Я уже два часа как за тобой послал. Да и к тому же по радио оповещение было.

Майор кисло осмотрел меня с ног до головы и дернул плечами, словно не смог сдержать отвращения.

– Вчерашний перегон, – скривился он, сдвигая брови к переносице. – Многие из них, – яростно ткнул он длинным тощим пальцем в каменный пол, как будто

хотел достать им до самой подземки, – только и ждут, когда рядом появится пьяный заградитель, чтобы воспользоваться его неадекватным восприятием действительности.

«Что он называет неадекватным восприятием? – подумал я, но промолчал. – Похмелье, наверное». Лишь вытянулся в струнку, стараясь показать свое рвение и выправку. Ремень скрипнул, захрустела отглаженная, накрахмаленная коричневая рубаха. «Молодец Марта!» – мелькнула приятная мысль, оставив после себя лишь легкую грусть.

– Ну, да ладно. Пьяный – еще не заразный! – продолжил дядя Саша, заметив мои старания.

– Так точно! – вдруг выпалил я лихо, вскинув руку к голове.

Майор подозрительно покосился:

– Ты чего скалишься?

Не знаю, что на меня нашло, но я заорал, восторженно упираясь глазами в покрасневший кончик командирского носа:

– Перегон затмевает разум. Враг ждет наших ошибок!

За окном что-то грохнуло. Задребезжали стекла. Загомонили в коридоре испуганные голоса. Взвыл ревун механической сирены. Протяжно и тревожно загудел воздух. Ординарец майора, Тюля, ввалился в комнату и застыл с выпученными глазами, беззвучно разевая рот, как рыба, выброшенная на берег.

– Т-т-тревога! – с трудом вытолкнул он, прижимая руки к вздымающейся груди. Казалось, слова застревали в его глотке. – Т.т. там.....

Майор не стал ждать продолжения, сплюнул под ноги волнующемуся зайке и бросился к выходу.

– Белов, заа мной!

Но я и без его команды не остался бы в каптерке. Выскочив на свежий воздух, я тут же заметил Уса. Он сидел между мешками и, сжимая голову руками, покачивался.

Вокруг выло и гудело, содрогался отяжелевший осенний воздух. Из-под земли протяжно ухнуло, дохнуло теплом, вспыхнул синий мерцающий свет. Лениво выползая из трещины, стелился над землей необычный густой туман. Громкий всхлип, донесшийся со стороны разлома, мгновенно уложил воинский гарнизон лицом в землю. Замерли все. Ярко-синий шар протиснулся сквозь отверстие в бетоне, на мгновение завис над землей и резко бросился в небо, стремительно уменьшаясь в размерах.

– Уходят! – прошептал Ус, кивая в сторону выхода из подземки. Туда, где мелькнули и исчезли в тумане человеческие тени.

Но его никто не слушал. Весь воинский контингент, за исключением майора Дубинского, лежал на сырой земле. Зрелище еще то. Четыре десятка тощих тел, вжимаясь в грязь, замерли в ожидании удара. Кое-кто, правда, смог оторвать голову от земли и, борясь с ужасом, всматривался в серое небо.

Меня не волновали летающие шары, не трогал наползающий на заставу туман и яркие мерцающие вспышки. Это, конечно, был отвлекающий маневр, с помощью которого обитателям подземки удалось вырваться в жилую зону. Четыре силуэта, судя по очертаниям двое мужчин и две женщины, прикрываясь туманом, исчезли в темноте. Того мгновения, что я смотрел на беглецов, мне не хватило, чтобы как следует рассмотреть, что же они из себя представляют. Только показалось, что одна из женщин прижимала к груди какой-то сверток.

Куда они направились и что задумали? – вот что волновало меня сейчас больше всего, что полностью занимало мои мысли. Неужели опять диверсия?! Кто не помнит эпидемии 2050 года? Тогда десятки тысяч инфицированных с большим трудом были изолированы от общества и в дальнейшем стали создателями новой зоны отчуждения СПИД-туберкулезников, размещенной в Ботаническом саду. Десятки тысяч гепатов, выселенных за пределы МКАД в 2078 году. Реальные масштабы этих катастроф удалось оценить только тогда, когда с улиц исчезли последние отбросы общества с любыми признаками, любых болезней.

– Отсутствие признаков болезни не есть отсутствие заразы, – говорит майор, всякий раз демонстративно уничтожая перебежчиков. Ведь не секрет, что некоторые из них до сих пор прикидываются здоровыми.

У майора – полномочия чистильщика. Это дает ему право пресекать распространение инфекции на корню, без суда и следствия. Это дает ему право на ошибку, на тот случай, если потом оказывается, что тест не показывает инфекции. Враг есть враг, даже если он выглядит здоровым.

– Хороший враг – мертвый враг! Когда-нибудь сдохнет последний вича, вымрут все тубики, гепаты, скрипушники. Останутся только здоровые. И больше ни-кого! – любит повторять майор. – Вот тогда-то перебьем Тепловиков, Скрытников, Олимпийцев и доберемся до маньяков-одиночек. А уж после этого... заживем!

Умеет командир настроить людей на боевой лад, вселить в их серенькие души надежду. Слушаю я его – и верю, что скоро все будет именно так, как он говорит. Умный мужик наш майор.

– Так куда, говоришь, они пошли? – раздраженный командир разглядывал насупившегося Уса.

Сержант что-то пробормотал:

– Четверо взрослых, – с трудом сумел различить я.

Но майора, по-видимому, не устраивал ответ – не по уставу. Он шипел и плевался. Не скрывая своего гнева, лупил перчаткой по бедру:

– Скажи мне, сержант, почему ты не предупредил о прорыве кордона?

Ус хмуро разглядывал свои сжатые кулаки.

– Я предупредил! Да и какая это опасность, четверо больных, – попытался оправдаться он, но майор не стал слушать его объяснений.

– Лейтенант Белов! – позвал он. – Сержанта Усова задержать до выяснения. Беглецов разыскать и доставить для допроса. Давно вичи ничего серьезного не

предпринимали. Пришло время. Думаю, за кольцо им нужно. Сторонников вербовать будут. Обязательно живыми! – вдруг добавил он.

«Лейтенант?!» – я вздрогнул от неожиданности и тут же забыл, что хотел вступить за бедного Уса. Раньше бы не обратил внимания, лейтенант, так лейтенант. Но сейчас. Сейчас я был с Мартой, и мне нужен был свой угол. Чтобы соседи не могли слышать каждый мой вздох через деревянную перегородку в одну доску. Чтобы я мог отдохнуть от их непрерывной ругани по вечерам и пьяных разборок по ночам.

– А если вичи не захотят подчиниться, мне что, их силком тащить? Они ведь заразные!

Майор вытащил из кобуры револьвер и, не задумываясь, начал палить под ноги двухметрового сержанта. Ус удивленно попятился, нелепо подпрыгивая после каждого выстрела.

– Главное – задать правильный вектор. Впрочем, откуда вам знать, что такое вектор? Исполни! – приказал он жестко.

Не люблю, когда на меня давят, будь это родной отец, командир, да хоть даже Марта. Хотя нет! Марте можно все. Она особая. За нее я глотку любому перегрызу. Да и от майора могу многое стерпеть, если... Неспокоен майор – что-то надвигается. Ох, прав был сержант – беда идет.

– Ты за меня не переживай, командир, – буркнул Ус, укладывая свое двухметровое тело на бетонный пол камеры заключения. – Отдохну, пока ты за больными охотиться будешь.

Я раздраженно мотнул головой – не люблю, когда он заразных больными называет. Охота на больных – как-то погано получается. Хотя. Не мы их, так они нас. Третьего не дано.

– Да ты не сердись! Ты меня слушай, – прошептал Ус, приподнимаясь на локте. – Впрочем, нет, ты лучше сердце свое слушай. Оно не обманет. У тебя оно есть, – сказал так и отвернулся.

Странный все-таки Ус. Иной раз, как произнесет слово, неделю в мозгах не разгребешь, мысли странные, но приятно. А иной раз от одного слова с души воротит и не один день. С виду, если не знаешь его, дурак-дураком. Но не дурак – просто добрый очень. Майор, правда, считает, что в наше время это одно и то же. Добрый, значит, дурак. Не был бы таким, давно до лейтенанта дослужился. Сейчас добро не в почете, и не найдешь, наверное, второго такого, как он.

– Вернусь – помогу! – громко заявил я.

Покидая мрачную камеру, я облегчено вздохнул.

«Хотел бы – уже помог», – буркнул в душе тонкий предательский голосок. Видел же, как он кричал, почему не сказал майору? На звание купился? Трус ты, Белов! Ну, да ладно. Не буду посыпать голову пеплом. Сколько задохликов прорвалось – четверо? Значит, на поиски пойдем впятером. Пытаясь отвлечь себя от бесполезных мыслей, я в уме прикинул, кого из моего подразделения взять с собой.

– Барсук, Доберман, Щекан, Колобок – на выход! – выкрикнул, появляясь на пороге казармы.

Бойцы отдыхали после ночного дежурства, и не сразу среагировали на мой приказ. Вначале в полумраке слышалось недовольное бормотание. Заскрипели половицы, и через несколько секунд передо мной появился Барсук. Подтянулись и остальные. Не выспавшиеся и злые.

Я взгляделся в напряженные лица:

– Дополнительный боекомплект не забудьте. Вичей ловить будем. Маски, аптечки, все как всегда.

Недовольные физиономии, сжатые губы – не любят ребята жилую зону покидать. Впрочем, кому в наше время захочется бродить в мертвых кварталах. Вижу, злятся мои бойцы, но действуют быстро – аптечки и боекомплекты в вещмешки.

– Пойдем налегке, спальники не брать! – предупредил я и, замечая вопрос во взгляде подчиненных, пояснил: – Если они хотели просто покинуть город, они бы

с окраинных кордонов прорывались. Интерес их где-то здесь, недалеко. В пределах одного пролета подземки. Да... майор приказал брать вичей живыми!

Замерли тут мои мужики. В тишине только медленно повернулись ко мне.

– Как живыми? Они же заразные! – возмутились все, перекрикивая друг друга.

– Да не гоните вы, разберемся! – бодро произнес я, всем своим видом давая понять, что все их страхи надуманные, и меня эти вопросы несколько не волнуют.

Не думаю, что поверили, но замолчали, а потом и шушукаться перестали, вернулись к вещмешкам.

Ребятки мои проворные, быстро собрались. Через пять минут группа уже двигалась в том направлении, в котором исчезли беглецы. По крайней мере, когда я видел вичей в последний раз, они шагали именно туда. Эта дорога мне хорошо знакома, каждый день здесь хожу, знаю каждый камень, каждую колдобину.

– Черт! – я споткнулся, полетел вперед и громко рухнул в кучу мусора.

Откуда здесь этот камень? С утра не было. Это след. Хорошо. Ясно, что кто-то здесь недавно прошел. Вот только перед подчиненными неудобно, – я шумно выбрался из приютившейся на обочине дороги кучи мусора. Оглянулся. Майор все также стоял на пороге командного пункта. Провожал нашу группу внимательным взглядом. Внимательным и тревожным. Маленькое препятствие заставило меня быть более внимательным. А голова все так же раскалывалась. Похмелиться бы, хотя нет, это уже лишнее.

Преследование

Разрушенные временем, почерневшие от огня здания мрачно взирают закопченными дырками окон на крадущихся посередине пустынной улицы

людей. Многоэтажные черные бетонные каркасы, нависшие над широкой потрескавшейся от времени дорогой, следят за каждым движением бойцов. Разбитые двери со скрипом покачиваются на холодном ветру. С севера тащит тяжелые мрачные тучи. Вот-вот пойдет дождь.

Впереди пустырь. Ржавые конструкции, чем-то напоминающие скамейки в казарме, жмутся к земле. Небольшой прямоугольник с редкой чахлой зеленью скрывает детские качели. Металлическая цепь покачивается туда-сюда, туда-сюда – поскрипывает в зловещей тишине.

Зашуршали капли. Дождь. Накрапывает. Неприятная, мокрая взвесь со всех сторон.

Идем дальше: вдоль разрушенных домов, мимо трансформаторной будки из красного кирпича к невысокому зданию. Жирные холодные капли заползают за шиворот, влага пропитывает ткань, проникает под одежду, студит тело. Плевать! Погода для настоящего бойца не помеха, противник в таких же условиях. Да и какой здесь противник? До тепловиков еще далеко. Угрозу представляют только бандиты-одиночки, что по развалинам шарятся. Но одиночки при свете дня на рожон не полезут, рисковать не станут. Может, плюнуть на осторожность да рвануть бегом по пересеченной местности? За пять-десять минут вичей достанем. Некуда им тут деваться, если только в остатках домов не спрятаются. Но они же вичи, а не сумасшедшие, чтобы в развалины лезть. Видимо, не одного меня беспокоящие мысли достают. Смотрю, Барсук впереди затрусил, вот-вот на бег перейдет.

«Стоять!» – хотел зашипеть я, но не успел рот открыть. Барсук неожиданно споткнулся. Выматерился. Кто-то ойкнул сзади, и я мгновенно припал к земле, задерживая дыхание, поднял голову. Воздух со свистом разрезала длинная стремительная тень. Барсук взревел, вскидывая приклад к плечу. Длинная очередь гулко ударила по ушам, дробью отбарабанив по стенам пустых домов впереди, взорвалась мелкими пыльными фонтанами на рыхлом не успевшем промокнуть бетоне и утонула в тягучей грязи.

– Отставить! – заорал я. – Своих покрошишь!

– Что это было? – спросил Щекан.

Он лежал за бетонным обломком и гладил спусковой крючок кончиком указательного пальца. Шаря по земле внимательным взглядом, привычно покусывал растрескавшиеся губы.

Я покачал головой – хрен его знает, что это такое! Я лично ничего не успел разглядеть.

Барсук поднялся с земли, молча прошел вперед и, быстро наклоняясь, вытянул из кучи битого кирпича что-то продолговатое, серое и мокрое. Это что-то безвольно висело на длинном скользком шнурке.

– Крыса, тьфу ты! Противная тварь! – сплюнул Барсук, держа мокрую тушку за тонкий голый хвост.

Мелькнуло розовое брюхо, покрытое белыми с темным основанием волосками. Крыса дернулась, выгнула ожившее тело, мгновенно вцепилась длинными, выступающими вперед зубами в стальной ствол автомата. Раздался противный хруст, от которого у меня тут же свело челюсть, а по спине поползли противные мурашки.

Барсук, не задумываясь, сжал курок. И это было последней в его жизни ошибкой. Пули метнулись по деформированному стволу и, натыкаясь на препятствие, вставшее на их пути, мгновенно разорвали прочную стальную трубку, выстрелили металлическими осколками в лицо удивленному вояке. Окровавленная физиономия жутко ощерилась. Кровавая пена громко булькнула на месте бывшего рта Барсука, освободила место щетке выбитых зубов, торчащей выщербленными осколками во все стороны. Засипел втягиваемый сквозь красную юшку воздух. Барсук выпучил глаза, поднял трясущиеся руки к лицу, сжал его мгновенно покрасневшими от крови пальцами, стараясь собрать разорванные куски плоти растопыренной пятерней.

Маленькие металлические пчелы быстры и беспощадны. Боец захрипел и медленно завалился набок. Некоторое время сердце его еще билось, выталкивая остывающую кровь, но грудь уже не вздымалась.

Жуткая тварь, закончив крошить каленый стальной ствол, медленно подняла треугольную голову. Темные бусинки глаз уставились на Колобка. Крыса уже почувствовала приближение опасности, дернула хвостом, метнулась к

небольшому камню у ног мертвого бойца, но в следующее мгновение на нее обрушился большой кусок бетонной стены.

- Попробуй это, тварь! - рявкнул Доберман и громко заскрипел зубами.

Облако пыли поднялось над мертвым Барсуком, но влага очень быстро прибила серую взвесь к земле. Пару секунд - и все: мертвое тело валяется в грязи, руки сжимают автомат. Не выпустил Барсук оружия - умер бойцом.

- Что это было? - Щекан встряхнул огненной шевелюрой.

- Рыжий, не тупи! Не видишь, крыса? - мрачный Доберман кивнул на изломанное тельце с противным длинным голым хвостом.

- А ты часто видел, - взбеленился Щекан, - чтобы крыса стала жрала?!

Резервация

Тело Барсука решили оставить до тех пор, пока не выполним задание. Времени на похороны не было, и его затолкали в большой обломок бетонной трубы, торчащий из земли. Затем завалили отверстие ржавыми листами, присыпали землей и мусором. Утрамбовали, как могли. Постояли над холмиком неподалеку от полуразрушенной девятиэтажки в тишине - и двинулись дальше. На обратном пути, если получится, заберем. А вот всеядную тварь с бронебойными зубами решили взять с собой. Колобок недовольно сопел, кривился, но крысу в вещмешок засунул. Донесем, покажем головастикам из научного отдела. Такого экземпляра они наверняка никогда не видели. Пусть отрабатывают свой хлеб, дармоеды!

Одна минута - и дорога удлинилась в разы, бойцы оглядываются через секунду, останавливаясь, прислушиваются к каждому шороху. Косятся на мрачные развалины. Автоматы навскидку, руки напряжены. Оно и понятно - как вспомнишь Барсука, так вздрогнешь. Страшная смерть. Как по мне, так лучше неожиданно и сразу, чтобы без жалости к себе, без соплей и душевных рыданий.

Бац! И все!

До леса идти без спешки – минут десять-двадцать, а мой отряд уже больше часа потратил, пробираясь по открытым местам, обходя кучи мусора и канавы, стараясь не приближаться к полуразрушенным зданиям. Началась зона отчуждения, здесь вичи когда-то проживали, пока не ушли в подземку. Кто его знает, что нас ждет? Столько разговоров вокруг мертвых брошенных высоток, – не захочешь, испугаешься.

Бодрятся мои герои, но я-то вижу – трухнули бойцы по полной программе. Да и меня впервые за последнюю пятилетку мандраж взял. Холодный пот по спине, во рту пересохло, язык к небу прилипает. И не то, чтобы страшно умереть. Нет. Страшна неизвестность. В этот район я никогда не заходил, рядом, с другой стороны дороги – да, был, но здесь – никогда. Там, справа, более-менее безопасно, местность открытая, деревьев нет, как и во всем городе, а здесь уже лес скоро и темень, как ночью. Ветер гонит свинцовые тучи, гудит где-то впереди в кронах деревьев. Громадные сгустки черной ваты тяжело ползут по фиолетовому, подсвеченному на горизонте небосклону, собираются в длинные темные полосы. Того и гляди повалит черный снег.

– А кто вообще сказал, что они в лес попрутся? – возмущенно зашипел Доберман.

Впереди показалась черная стена гигантских дубов, и это заставляло его сильно нервничать. Уж очень Доберману не хотелось к деревьям приближаться. Как и мне.

Качнулись колоссы, зашуршала листва, загудело над головой. Вдали, на пределе слышимости, вдруг раздался звонкий детский смех. Нехороший такой, жуткий, словно зовущий в темноту.

– Вопросы есть? – я всмотрелся в испуганное лицо Добермана.

Бравого вояку трясло не по-детски. Нет, он, конечно, не трус. Да и остальные мои подчиненные не робкого десятка. Если в бой – то без вопросов, но здесь лес. Да еще этот смех. Давно вы смех в наше время слышали? А в лесу? То-то же! Вы в лесу вообще никогда не были, как и мои ребята. А Тропаревская чаща, меж тем, не пара мелких елок да десяток хилых берез. Не простой лес, а резервация, зона отчуждения. Как хочешь, так и назови, только смысл от этого не изменится.

Заразные в ней живут – скрипушники. Они ее еще очень и давно, лет сто и больше назад облюбовали. Сейчас уже никто и не помнит, как они выглядят, известно лишь, что скрипит у них что-то в груди, когда они говорить пытаются и когда просто дышат, тоже скрипит. Или хрипит, врать не буду, я лично с ними ни разу не сталкивался. И слава Богу!

Они, говорят, распространяют по воздуху один из опасных коронавирусов, не смертельный для молодых, убивающий стариков, и не лечится совсем. Его даже толком исследовать не успели. Или не захотели. Этому-то я очень даже верю. Как посмотрю на наших умников – тошно становится.

Как только этих самых скрипушников армейцы в подземку загнать решили, чтобы здоровых от них оградить, они все, значит, в Тропарево и рванули. Раньше бы их из лесу за день вышибли. Штурмовую бригаду по следу пустили и к концу дня – вся эта шушера в подземке. Но это раньше, а тогда уже настоящих бойцов мало осталось, да и скрипушники – не дураки. Они не с пустыми руками в лес ушли, большинство – служивые, полицейеры, так, кажется, их тогда называли. У них там целая община была. Всю улицу имени какого-то генерала занимала. Вот всем кагалом они там, в Тропаревском лесу, и окопались.

Тогда еще горючка в емкостях под городом оставалась. Техника худо-бедно работала. Подумало наше командование, подумало и решило: пусть живут, только из леса носу не высовывают. Согнали оставшуюся технику и, как могли, огородили Тропарево громадными плитами. Как уж они там жить будут и где жратву брать – их дело. Но вот что странно, скрипушники вроде как и не против оказались, согласились на наши условия без лишних вопросов. Даже договор согласились подписать, по которому ни мы к ним, ни они к нам соваться не должны. Вот что значит служивые люди, а не какая-то рвань гражданская. Даже у заразных дисциплина остается. Только, помимо дисциплины, у них еще и оружия на всех нас здоровых (и даже больше) осталось. Так и оказались они за бетонным забором. Заразные и злые на весь мир, на нас в первую очередь. Они на нас. А мы на них. Хотя, опять-таки, помимо скрипушников, толпа здоровых в Тропарево свалила.

Кого-кого, а здоровых идиотов, которые за заразной швалью куда глаза глядят тащатся, я никогда не смогу понять. Чего им на свободе не живется. Вспоминаю я все, что слышал о скрипушниках, а руки сами к вещмешку тянутся. Достал я маску, ремешки потуже затянул, проверил, чтобы нигде щелей, и только тогда вздохнул свободно. И то ладно. Теперь можно не бояться, только не пораниться

бы случайно. Бойцы мои на меня глянули – и без разговоров за масками. Один Колобок остановился, глазам хлопает, рот разевает, как будто воздуха ему не хватает, а сказать ничего не может. Пропил, сволочь, маску из боекомплекта. Ну, ничего, пусть потрясется, а уж потом я ему свою, запасную, отдам. Мой мешок побольше, командирский, в нем все с запасом, на все случаи жизни, значит. И маска в запасе, и перегон для обработки ран. Но вначале пусть поволнуется, гаденыш, чтобы в следующий раз думал, когда пьянствовать будет. Я вздохнул. У самого башка раскалывается со вчерашнего.

Лес, меж тем, не таким уж и страшным оказался. Но это только вначале. Небольшие деревца вокруг развалин, метров через сто пятьдесят – проржавевшая решетка, а дальше зелень навалилась сплошной стеной, ни впереди, ни сверху ничего не видать. Хоть глаз коли.

«Тьфу ты! Накаркаешь, выколют!» – буркнул я мысленно, живо огляделся, выискивая Колобка. Смотрю, заместитель мой плетется сзади кое-как, трясется весь, руки ниже колен, бледный, как вича. Созрел, видать пора. Покопался я в сумке и тяну ему маску.

– Прибудем в казарму, вернешь!

Колобок аж крикнул от радости, маску схватил и засветился весь. Только и осталось, что засмеяться. А это уж, извиняюсь, совсем ни в какие ворота. Два раза за один день чересчур будет. С ума сойдешь. Кто ж в здравом уме ржет в лесу.

– Смирнаа! – зашипел я на него, а он хоть и вытянулся струной, но на роже солнце светит – яйца жарить можно. Протянул я руку к маске, заберу, мол. Побледнел Колобок, забегал глазами, затрясся весь.

– Вот, так-то лучше, – буркнул я, смягчившись, и в этот момент сбоку громко хрустнула ветка.

– Хррр! – раздалось прямо в ухе.

Послышался тонкий свит рассекаемого воздуха. За этим последовал странный чавкающий звук, и на месте распахнутого глаза Колобка возникло большое бурое отверстие. Он даже рот закрыть не успел, постоял уже мертвый

мгновение, удерживая в вытянутой руке бесполезную маску, и осел мешком на траву.

Тело еще не коснулось земли, а бойцы мои уже исчезли в темноте. Рухнули на землю вместе с Колобком. Я за ними. Выглядываю из сухой травы и вижу, только стволы торчат. Вот что такое реакция и выучка. Подполз к Колобку, присмотрелся к дырке... и тут меня как молнией по башке. В глазнице гайка, ржавая проволока из кровавого месива торчит. Глубоко зараза погрузилась – дыра величиной с кулак. Жутко стало – это ж с какой силой надо ее запустить, чтобы она кости разбила и внутрь черепа, как в хлебный мякиш, вошла?

Жалко Колобка, мочи нет, а сопلي распускать нельзя, некогда грустить, только расслабишься –

тут же вторым неподалеку ляжешь. Пращик засел где-то совсем рядом. Точно бьет, гад!

Полежал я, послушал тишину вокруг и, поднимая голову к небу, только сейчас понял – ночь уже. Как время идет, кажется, только что вышли, а уже ночь.

Луна на секунду показала яркий бок между серых туч и снова пропала. «Черта с два до утра шевельнусь, – решил я. – Окочурюсь от холода, но не шелохнусь, пока день не придет и солнце не появится». Только я о солнце подумал, как сбоку зашуршала трава, и стебли раздвинула испуганная физиономия Щекана.

– Командир, кранты нам! Пора назад валить, – зашептал он, прижимаясь ко мне боком.

Посмотрел я на него и едва шевелю губами:

– Где Доб?

– Здесь я, – донеслось из травы, и с другого боку выполз Доберман. – Что будем делать?

Я прижал палец к губам:

– Дальше идти нельзя, возвратиться сейчас тоже не сможем. Будем ждать утра, – прошептал и, видя, что он открыл рот, шикнул злобно. – Молча ждать!

Так и лежим мы втроем. Прижались друг к другу боками, то ли спасаясь тем самым от страха, то ли борясь с наступающим ночным холодом. Осень на дворе – днем тепло, а к вечеру холод, зуб на зуб не попадает. Ночью вообще – дрянное дело, того и гляди мороз ударит.

Ветер гудит над головой, гуляет в кронах деревьев, а я лежу в траве, стараюсь не шевелиться, только разглядываю мелькающий между фиолетово-черными тучами яркий диск луны. Лежу и думаю о Марсе. Ждет, поди, меня, волнуется девочка. Вот закончится эта канитель с погоней, поселимся мы с ней в одном доме с офицерами, в отдельной квартире – я же теперь вроде как лейтенант, мне по чину положено. Задумался я, радужные картинки в голове разглядываю, мечтаю, как мы будем жить- поживать.

– Лейтенант, а вы хотели бы на море побывать? – неожиданно поинтересовался Щекан, прикрывая рот рукой.

– Море! Кто тебе сказал, что оно вообще есть? – зашептал Доберман с другого края.

– А куда ж оно денется? Я фото видел, бабка моя на нем, волны, солнце, тетки кругом почти голые ляжками светят – красотище. Вот бы в то время попасть. Интересно, как все тогда было? Говорят, пока кольцо наглухо не закупорили, и горючка в баках была, машины ездили, а самолеты летали. Тогда на море каждый мог побывать, любому доступно было. Ну, или почти любому. Это потом, когда весь мир от нас отказался, ни бензина, ни газа, какое тут к черту море, выжить бы.

«Расслабились, заговорили! – думаю я, а сам зубами скриплю. – Забыли Колобка! Нужно было его к нашей компании подтащить и уложить рядом – четвертым».

– Молчать! – шиплю, а сам хруст неподалеку слышу, словно ветка под ногой переломилась.

И тут же:

– Хррр!

Бродят гады где-то неподалеку, хрип слышен, кажется прямо над головой. Я сжал кулаки, прекрасно понимая, что ничего сделать сейчас не смогу. В темноте, на чужой территории, не разгуляешься.

И лезет мне в голову вопрос за вопросом. Если это скрипушники, то какого черта они нас еще не повязали? Наверняка, их здесь в сотни раз больше, чем нас. Рисковать не хотят? Правильно, мы ведь тоже не трубой деланные, и калашаи наши не игрушечные – жару дадим, мало не покажется.

И вот ведь какая история: на улице холодрыга, рядом бойцы мои зубами стучат, в темноте скрипушники бродят, а в голове у меня солнце светит, волны теплые лениво на берег набегают, камушки приятно шуршат, и Марта моя босиком по воде, как по суше, идет. Улыбается. Лепота! Только кажется мне, что кто-то сверху, с неба, на меня смотрит. Не злобно так, но странно, как будто взгляд этот одновременно и сверху, и изнутри, из головы, идет.

Неприятное ощущение, словно кто-то в голове ковыряется, появилось неожиданно и не хотело исчезать. Вздохнул я – уж больно не хотелось, чтобы теплое море исчезало. И будто услышав мои пожелания, чужой взгляд потух, исчез, как его и не было. Успокоился я, разнежился, песок горячий спиной ощущаю. Лежу, значит, я на берегу и чувствую, как вода к ногам подбирается. Теплая такая, даже горячая, кипятком.....

– Хрр! – захрипело над головой.

Раскаленная боль сковала ноги. Открываю глаза.

Черт! Сукин сын, заснул! Какой же ты командир, если на территории врага дрыхнуть себе позволяешь. Утро уже. А где мои бойцы? – Я испугался. Попытался дернуться, но тут же почувствовал крепкие веревочные петли на руках и ногах. Стоило мне пошевелиться, как узлы затянулись еще туже. Присмотрелся, вижу, веревки, обвивавшие запястья и лодыжки, тянутся к ближайшим деревьям. Так и лежу, распятый меж невысоких прочных стволов. И пошевелиться ведь, блин, не могу. Только и остается, что вертеть башкой из стороны в сторону. Огляделся насколько мог. Рядом никого. Ни моих ребят, ни скрипушников. Трава вокруг еще зеленая, деревья, каких возле наших казарм

никогда не увидишь. Березки тонкие, поближе, почти над головой, а дальше громадные дубы.

Зло меня взяло, ощущение такое, будто птичка я безмозглая. Залетела дура в охотничьи силки. А чувствовать себя добычей я ой как не люблю, не привык. Всю жизнь охотником себя считал, а тут... Знаю, дергаться бесполезно, но и лежать без движения не могу. Туда, сюда – петли с каждым рывком все туже затягиваются. Порыпался я, подергался и успокоился. Освободиться не получается. Какого лешего силы попусту тратить? Так и так кто-нибудь прийти за мной должен. Не вялиться же они меня оставили. Уфф! Как только в голове эта мысль мелькнула, стало мне, братцы, не по себе, ну не вмоготу как гадко. А вдруг они и впрямь, того... сожрут. Ведь с пропитанием у них должно быть не ахти как. Да и что взять с заразных, разве ж они люди? Сожрут, не задумываясь. Рассказывают, в метро пожиратели человечины не редкость, отчего же не допустить, что и скрипушники не прочь полакомиться здоровым врагом. Хотя, какой я им враг. Я возле их резервации пару раз в жизни бывал. А самих скрипушников и вовсе никогда не видел. Правда, если следовать букве устава, то враги мы непримиримые, пожизненные.

Лежу так, думаю. Странно как-то получилось. Не могли же мы все скопом заснуть, да так, что ни почувствовали, как нас вязать начали. Может, все же скрипушники как-то нас усыпили. Но как? Думал, думал, но так ничего и не сообразил. Газ если только пустили. Да, откуда у них сонный газ? Час лежу, как лягушка распятая, два... Голова не болит, значит ни газ. Солнце сквозь плотный строй туч протискивается, но ненадолго, тепла много не дает. Серо в воздухе, пакостно. Да и на душе ничуть не лучше.

Земля холодная. Понятно, дело к осени. К обеду, правда, раскочегарилось, так, что даже жарко стало. Только ни снять брезентовую с теплой подкладкой куртку, ни расстегнуть – не могу, вот и потею. Ну, да ладно, жарко не холодно, выживу. А вот если... Нет! сожранным быть не хочется.

И чего тянут?

После обеда откуда-то со стороны деревьев шум послышался: зашуршала трава, затрещали ветки. Треск такой, что, если закрыть глаза, можно подумать – лось сквозь кусты ломится. Хотя, откуда здесь лося взяться? Зверей здесь давно нет и быть не может – сожрали всех. Нет, думаю, этот лось по мою душу. Запрокидываю голову, смотрю на перевернутый кверху ногами мир.

Кусты над головой раздвинулись, а между ними появилась громадная человеческая фигура.

Темно у меня в глазах от притока крови, да и трудно узнать человека, когда у тебя ботинки перед глазами, над головой, а сам человек где-то снизу.

– Серж, это я, Ус!

Ну и хорошо, думаю, погодим пока умирать.

– Фу ты, ну ты! Что смотришь? Развязывай быстрее! Заразные рядом, скрипушники.

А Ус улыбается и пальцем куда-то перед собой тычет.

– Здесь нет никого, – говорит, а сам веревки ножом режет. – За забором они!

Отряхнулся я. Одеревеневшими ногами и руками подвигал, чтобы застоявшуюся кровь разогнать. Дождался, пока раскаленные иглы из пальцев до пяток добрались и превратились в горячую волну, несущуюся к коленям. Встал. Оглянулся и только тогда понял, что мы ведь совсем близко к бетонному забору подошли, еще несколько метров – и уперлись бы в старую покоробившуюся от – ремени надпись: «Стой, опасная зона! Карантин!»

Я-то думал, что до нее еще метров сто, не меньше. Присмотрелся – в плите дырка размером с голову взрослого человека. Стоило только заметить ее, как сработал гадкий рефлекс: знаю, что нельзя близко подходить, а ноги, словно сами собой, к дыре несут.

– Хрр! – донеслось из отверстия, и тут до меня дошло: вот, значит, откуда ночью звуки доносились.

Вспомнил Колобка, замер на месте, поежился – мороз по коже, мураши с кулак величиной по спине. А в башке вопрос: как можно гайку через дырку запустить, чтобы находящемуся с обратной стороны забора человеку точно в глаз попасть? Да не просто попасть, а с такой силой, чтобы череп проломить. Прикинул я вчерашнее наше расположение и ходу от дырки зигзагам, по пути выискивая в

траве следы моих ребят. Пошарил глазами по земле и вижу ноги в армейских ботинках. Подошел ближе – Колобок лежит. Лицо почернело, кровь в глазнице засохла, кожа вокруг дырки лохмотьями, а из нее проволока торчит. Вторая глазница пялится мутным выкаченным глазом.

Жуть! Да уж! В одном тебе, Колобок, подфартило – быстро ты умер, наверняка даже не понял, что произошло. Не успел, значит, испугаться. Раз! И гайка в мозгах. Вот только, погоди, думаю, а сам мысленно поднимаю мертвое тело на ноги и к забору подвожу. Если бы гайка прилетела из дырки, тогда угодила бы она в затылок, но никак ни в глаз. Это что же выходит, пращник с нашей стороны засел?

Я пока свои следственные эксперименты проводил, совсем про Уса забыл. А он, придурок, к бетонной плите подобрался и голову в отверстие сует.

– Идиот! – ору я ему, а сам испуганно озираюсь. – Назад!

Не слышит меня сержант. Прилип к отверстию, руки в стену упираются.

Плюнул я на свой страх и рванул на всех парах к нему. Ухватил за крепкий пояс. Тяну. Только толку никакого, здоровенный гад, проще забор уронить, чем его с места сдвинуть. Рукой перед моей мордой машет, отстань мол, задницей меня отталкивает, а голову из дыры не вынимает, как будто кто-то ее с той стороны забора держит.

Черт! А может и вправду кто-то держит! Коварный капкан, скажем, скрипушники придумали. Испуганные мысли ворвались в пустую голову, перед глазами замелькала жуткая картинка. Тяну я тело на себя, а башки нет. Вот появилась, только на месте лица, кровавая каша, как у Колобка.

Постоял Ус, постоял, да как заржет! Спина трясется, руками живот обхватил, но от стены не отрывается.

Я чуть язык от удивления не проглотил. Что он там увидел? И то хорошо, что не капкан.

Насмеялся Ус вволю, оторвался от забора. Оглядывается на меня, а морда довольная, улыбка до ушей. Гаденыш! Я тут за него переживаю, а он.

- Что, - ору, - ты там увидел?

Понимаю, что злиться не на что, а успокоиться не могу.

А он рукой машет и вразвалочку меж берез, как на прогулке, будто рядом дом родной, а не резервация скрипушников.

Тряхнул я головой и хотел уже пойти следом, но не смог. Ноги к земле приросли. Ноги к земле, а взгляд к дыре в плите. Как загипнотизированный - шаг, другой, третий. Знаю - опасно, помню гайку в глазу Колобка, а сделать с собой ничего не могу.

А Ус, кажется, понял мое состояние.

- Найду наших бойцов, пока они глупостей не натворили, - он понимающе улыбнулся и исчез за ближайшими деревьями.

Черт! Заглянуть - не заглянуть? Ненавижу загадки. Лицо Колобка перед глазами, а в голове вопрос. Что же Ус там увидел? Придвинул я голову к отверстию. Проталкивая тяжелый комок в горле, глубоко вздохнул. Принюхался, как будто запах мог подсказать мне, что происходит с той стороны забора, но кроме приторного запаха зелени и мокрой листвы, ничего не почуял. Не дышу. Под щекой холодный шершавый бетон. Еще чуть- чуть, еще. Нет! Не могу. Не стоит оно того! Понимаю, что рискую почем зря, а голова сама в дырку лезет. Загляну. На мгновение, на миг. И сразу назад.

Раз! Деревья, поляна, смех детский слышится. Все! Хватит. Ничего интересного. Сплюнул я и бегом за Усом. Обгоняю, заглядываю в глаза и уже рот открыл.

- Да, ничего такого! Дети играют, - прочитал мои мысли сержант. - Маленькие дети играют в детские игры. Ни в войну с вичами, ни в разведчиков в мертвых районах.

Скривился я - малахольный, что с него взять.

И вот ведь странность какая, думаю о скрипушниках, а детей их представить не могу. Как ни стараюсь, не получается, хоть ты тресни. Вичи – враги, скрипушники – враги, гепаты – враги. А дети их? Дети тоже враги? Тьфу, ты! Ну, не гад ли Ус. Опять в башке бардак.

– Ты как здесь оказался? – спрашиваю, чтобы хоть как-то прогнать противный вопрос из головы.

– Дубинский послал. Велел передать, чтобы без беглецов не возвращались. Под трибунал пойдете! – прорычал Ус, изображая нашего командира.

Не люблю я его кривляний. Особенно, когда он пытается изобразить дядю Сашу. Не заслужил он такого отношения. Да и субординацию еще никто не отменял. Разведчик ты или заградитель, уважай командира! А валять дурака – много ума не надо.

– И еще, – продолжил Ус уже своим голосом. – Майор считает, что вичи за город идут, возможно, хотят организовать там центр сопротивления. Нельзя их за кольцо выпускать.

Я покачал головой – не думаю. Зачем им за кольцо? Если они и сумеют перебраться через ряды колючей проволоки и выкопанные перед остатками кольцевой дороги глубокие рвы, то как им перейти бетонку? Там же пулеметные расчеты через каждые пятьсот метров. Ну, по крайней мере, раньше были. Нет, не прав командир. Я попытался поспорить с майором, но недолго. Я же не тварь неблагодарная, знаю, что такое субординация и уважение. Прав или не прав командир, а приказ выполнить наша группа обязана.

Ус уверенно шагал впереди, не оглядываясь, как будто хорошо знал местность. А я опять отстал и плелся за ним, на негнущихся ногах. Перетянутые веревками, они затекли и сейчас противно зудели – к пальцам прилиwała горячая кровь, а вместе с ней возвращалась болезненная чувствительность.

Будешь много думать о ногах – останешься без головы! Не зевай, приказал я себе.

Впереди, за деревьями, вдруг раздались странные звуки, похожие на сопение борца или сдавленное мычание.

Стоп! Дальше потихоньку, шаг в шаг.

Вот они. Казенные ботинки с выпуклой буквой Z на рифленой подошве, а вместе с ними и торчащие из травы ноги.

- Щекан! - я поспешил к бойцу, но запнулся о веревку.

Щекана, как и меня, распяли между берез. Ус оказался проворнее, и пока я скакал между веревками, взмахнул ножом и освободил мычащего бойца. Через несколько секунд тот уже стоял передо мной навтыжку.

- Ты что же, сукин сын, заснул?! - рявкнул я, забывая, что сам спал как убитый.

- Я не... не знаю, как заснул, не помню.... - Руки дрожат - перенервничал бедолага, пока вялился как рыба на солнце.

- Ищем Добермана! - махнул я рукой в направлении покачивающихся берез.

Разбираться, кто и в чем виноват, не имело смысла. Нужно найти бойца и двигаться дальше.

Через пару минут беспомощный Доберман, опираясь на локоть Уса, вышел из-за деревьев, без вещмешка и оружия. Уж и не знаю, что с ним случилось, но выглядел он отвратительно.

- Ты тоже ничего не помнишь? - спрашиваю я.

Доберман помрачнел, опустил глаза:

- Командир, когда ты неожиданно заснул, я слегка растерялся. А когда Щекан вырубился на полуслове, я тухнул по-серьезному. Хотел разбудить вас, тут меня и накрыло. А дальше... Хрен его знает, что дальше! Прав лейтенант, ничего я не помню.

- Ладно, потом разберемся, а сейчас двигаемся дальше! - приказываю я, а сам жду, когда же мои ребята в себя придут.

Смотрю, энтузиазму во взглядах никакого, дай, думаю, подбодрю.

- Вичи, - говорю, - что-то серьезное планируют. И наш майор очень на нас надеется. Только мы сможем их остановить. Не зря он нас послал - мы лучшие!

Хотел подбодрить, но получилось все с точностью до наоборот. Щекана при упоминании вичей аж перекосило, сморщил он рожу, как будто собственной мочи глотнул. Доберман громко икнул и затрясся, словно неожиданно оказался раздетым на улице в сорокаградусный мороз.

- А ты, лейтенант, сам-то в это веришь? - дрожа и клацая зубами, спросил он.

- Верю, не верю - дело третье. Майора нашего мы подвести не можем. Приказал командир доставить беглецов - доставим. Так что, бойцы, вперед - на мины! Поймаем вичей и сразу назад. Их четверо, и нас теперь четверо, - высказался я, кивая на недовольного Уса.

Кивают и мои бойцы. Вроде соглашаются, а сами головы опустили, сопят, как дети малые, руками одежду теребят. Оружия нет, масок защитных нет.

Я и сам себя голым без автомата чувствую. А они? Думаю, если бы не я сейчас стоял перед ними, разбежались бы мои вояки. Меня они уважают. А может, боятся. Ну, да ладно, их понять можно. Очухаются, отойдут от мандража - двинем дальше.

А вот Ус - сволочь! Вместо того, чтобы поддержать меня, он, мерзавец, задумчиво головой качает и как-то с сомнением бормочет:

- Уж и не знаю, зачем за больными охотиться? Пусть себе за МКАД пробираются. Там ведь и без них заразы хватает.

- Ты что это, гад, делаешь? - шиплю я на него и взглядом испепеляю.

А он лоб наморщил и на забор машет.

– Там они сейчас, у скрипушников, и если им нужно за кольцо, то мы их не сумеем задержать. Если, конечно, напрямки не рвануть через бетонку.

– Ты что несешь? – возмутился я. – Думаешь, полицейные их к себе пустят?

– Я их лично видел, – Ус в очередной раз кивнул на забор.

Вспоминая, как он ржал, заглядывая в дыру в заборе, я с трудом сдержался, чтобы не влечь ему оплеуху. Чувствую, зло меня в тиски берет. В глазах красный туман, руки трясутся.

– Смирнаа! – ору непонятно зачем.

Достала меня его идиотская улыбка.

– Отставить разговоры и за мной, шагом маарш! – рявкнул я, боясь, как бы бойцы не усомнились в разумности моих приказов.

Впрочем, до сих пор они ни разу не оспаривали мои решения, какими бы глупыми они не казались на первый взгляд.

Шагая вдоль забора (на безопасном расстоянии от него), я не мог не смотреть на бетонку. Мыслями перепрыгивая через нее, я старался найти ответы на засевшие в моей башке вопросы. Как эти скрипушники живут, да еще детей умудряются рожать?

– Странно, почему они еще живут? – Доберман озвучил мои мысли, и это мне почему-то ужасно не понравилось.

Тревожная мысль сверлила сознание, оттесняя все остальные размышления на второй план. Самый неприятный вопрос, который может зародиться в испуганном мозгу любого заградителя или чистильщика – так ли опасны заразные, как мы их представляем? Противный вопрос. Ведь если допустить, что они не опасны, тогда чем мы от них отличаемся...

«Отставить!» – зашипел я мысленно, только теперь моя злость была направлена внутрь себя. Нельзя сейчас, когда нужно быть предельно внимательным,

расслабляться. Враг вокруг! Заразные – со всех сторон! Только и ждут, как отомстить нам за то, что не мы сидим за бетонным забором, за колючей проволокой, под землей. Хотя, если подумать, не мы же загнали их в Тропаревскую чащу, не мы затолкали их в подземку, не мы вытеснили их за внешнее кольцо. Они сами выбрали для себя такую жизнь.

– Лейтенант, ты никогда не думал, почему тяжелобольные люди предпочли жизнь в мрачных подземельях нашему здоровому соседству? – Ус, видимо, решил добить меня, удачно выбрал и время, и место, и самое надежное средство для этого.

Очередной его заковыристый вопрос вогнал невытаскиваемый кол в мою и без того переполненную мыслями голову. Ну, ни гад ли? Скрипя зубами, я попытался прогнать ненужные мысли. Понимая, как трудно в таком соседстве думать о чем-нибудь другом, я боялся, что сомнения, поселившиеся в моей голове, заберутся и в головы моих подчиненных.

Пока измученные и недовольные бойцы с кислыми минами тащились за мной, небо потемнело. Редкие облачка, пробегающие по низкому небосклону, собрались в одну пухлую, брюхатую тучу, занявшую полнеба и готовую в любой момент разродиться холодным дождем. Повисев над нашими головами, туча дрогнула и родила яркую ветвистую молнию. Слепящая вспышка мгновенно превратила мир в черно-белую картинку. Пока в глазах плавали желтые пятна, грянул гром, и пошел мелкий противный дождик. Серая мокрая пелена накрыла меня и моих бойцов непроницаемой завесой. Падая в траву, зашуршали дождевые капли, застучали о желтые опавшие листья. Прорезиненная куртка быстро отяжелела, а ботинки, собравшие на себя громадные комья грязи, превратились в большие земляные калоши. Слякоть закопошилась под ногами, захлюпала громко и противно. Настроение окончательно испортилось. Взгляд уперся в землю, приходилось все больше смотреть под ноги, и все меньше вокруг себя.

Голове распухла, десятки вопросов распирали мой череп, и плевать на них уже не получалось. Почему скрипушники пустили вичей на свою территорию? Как беглецам удалось перебраться через трехметровые бетонные стены? И многое, многое другие.

Морозящий дождик очень быстро превратил почву в подлый скользкий ковер. Мокрая трава и раскисшая земля норовили при каждом шаге подставить

подножку и бросить тело мордой в землю.

Под ногами противно хлюпало, а холодный ветер бросал водяную взвесь в лицо. Вопросы, вопросы, вопросы. Продолжая распутывать скопившийся в голове клубок, я на минуту забыл об опасности, и этого хватило, чтобы она вспомнила о моем существовании. Я чуть не прозевал глубокий ров. Когда раскисший мягкий край поплыл под ногами, и перед глазами неожиданно возникла глубокая яма, я запоздало взмахнул руками, и если бы не Ус, торчало бы сейчас мое тело, нанизанное на деревянных полусгнивших пиках.

Ров этот выкопали давно, как предупреждение: за ним начинается территория бандитского клана Тепловиков. Лихие ребята уже много десятков лет не давали никому проход, и, чтобы хоть как-то обозначить их территорию и, пусть условно, сдержать в пределах выделенной зоны, в старую канаву забили острые березовые колья. Поначалу у рва дежурили заградители с нашего кордона, но со временем, когда людей не стало хватать даже для охраны мест содержания заразных, посты убрали. Бандиты, они ведь здоровые – какого хрена от них отгораживаться? На нашу территорию они не заходят. Вот только скрипушники. Совсем ведь рядом.

Со временем ров зарос травой. Вертикальные стены обвалились, березовые пики подгнили и пугали только таких задумавшихся идиотов, как я. Теперь это была граница, черта, за которой существовали неписанные законы Тепловиков, и всякий, кто хотел перебраться через нее, должен был подчиниться им или умереть.

Зашел в «Мертвый стан», – заплати, – первый закон. Тепловики взимали солидную мзду, но все, чем можно было рассчитаться за проход через их землю, осталось в наших вещмешках. Получалось, что пути вперед у нас не было, а дорогу назад отрезал приказ майора. Да я и без него не отказался бы от выполнения поставленной задачи. Нельзя не выполнить приказ. Нельзя подводить командира.

Итак, если мы пойдем в обход Мертвого стана, нам ни за что не догнать беглецов до того, как они дойдут до кольца. А платить входной взнос Тепловикам нам нечем. Остается проход в зону на свой страх и риск, а это уже не заурядная экспедиция через нежилой район с полуразрушенными домами и рассказами об оборотнях-людоедах. Это не преследование неопытных в воинском деле вичей. Это гонка по вертикали. И гнать нас будут маститые

убийцы, профессионалы своего дела.

Дождь усилился – мелкая взвесь превратилась в сплошную водяную стену, отгородившую нас от окружающего мира.

Прохаживаясь вдоль глубокого рва, я размышлял, перебирая всевозможные варианты нашего дальнейшего поведения; но, сколько ни соображал, ничего лучшего, чем двигать напролом через Мертвую зону, не придумал. Только как сказать об этом моим ребятам? Пока я думал, Щекан с Доберманом устроились под одним из деревьев, недалеко от канавы, и молча наблюдали за моими душевными терзаниями. Идти или не идти? – решал я, поглубже вдыхая холодный, напитанный влагой воздух.

– Идем через зону! – решился и приказал.

Замечая недовольные взгляды, энергично шагнул к самому краю обрыва. Да, видать, слишком резко шагнул. Земля под ногами обвалилась и, теряя опору, я рухнул на спину. Мелькнула перед глазами испуганная физиономия Уса. Только в этот раз сержант не успел схватить меня. Мокрая трава коснулась горячей головы, и я заскользил на заднице по раскисшей земле, стараясь руками задержать стремительное падение. Аварийный спуск готов был превратиться в экстренное погружение – ров заполнился водой – но в последний момент Ус нырнул за мной и поймал меня левой рукой за шиворот, а правой перехватил запястье.

– Держись, командир! – выкрикнул он, без особого труда опуская меня как можно ниже к залитому грязной водой дну.

Как только ноги мои погрузились в размокшую противную жижу, торчащий над головой сержант отпустил мою руку и, оглядываясь куда-то за спину, резко поторопился:

– Следующий!

В ответ на громкий призыв сквозь падающую с небес серую водяную мглу протиснулась голова Добермана. Боец скривился и скользнул вниз. С другой стороны, рядом с плечом Уса, показался возбужденный Щекан, и через несколько секунд рядовые месили грязь рядом со мной на дне рва.

Пока я расчищал полосу для прохождения бойцов, расталкивая гнилые колья в стороны, физиономия Уса, торчащая над краем канавы, исчезла, а на ее месте показались громадные башмаки с массивными рифлеными подошвами. Громко сопя, сержант перевернулся на живот и, вонзая растопыренные пальцы в скользкую грязь, шумно поехал вниз. Доберман и Щекан, вытягивая руки, попытались придержать сержанта за ляжки, чтобы хоть немного приостановить падение. В последний момент Ус оторвал руки от стены, покачнулся и, потеряв равновесие, рухнул на Добермана, утягивая Щекана за собой в мутную лужу.

Занырнули мужики по самые уши. Барахтаются, как слепые котята. Грязь глаза забила. В общем, бардак и шатания среди личного состава.

Ус поднял облепленную грязью голову над мутной поверхностью, выплюнул земляную юшку, растянул губы до ушей. Никак не привыкну к его закидонам. Грязюки полон рот, а он ржет, довольный, как будто сладкого обожрался. А Доберман рядом матерится и на чем свет ругает погоду, майора и ... Схватил я его за грудки, рванул на себя и, зажимая рот мокрой ладонью, зашипел:

– Жить надоело?! Услышат, каюк всем нам!

Замер боец, оторопь его взяла, глаза по сторонам бегают, вода по лицу струями, губы сжаты в посиневшую ниточку под красным носом.

Нет, думаю, мало этого, для пущего страху поднимаю глаза к противоположному краю рва; делаю вид, что услышал какие-то звуки сверху, испуганно расширяю глаза, а сам осторожно прижимаюсь спиной к раскисшей стене.

Казалось, Добермана сейчас удар хватит. Проняло, видать – обмер бедолага от страха и Щекана под воду толкает. Тот занырнул в противную муть и шелохнуться боится, только пузыри пускает. Так- то лучше, ребятки! Не буду больше пугать моих архаровцев, они и так созрели. Только рукой машу, изображая, что ослышался.

– Вперед! – шепчу, освобождая место для Уса. – Кто у нас самый здоровый, тот и лестница.

Прошел сержант к стене, вжался спиной в землю, сцепив руки в замок перед собой на уровне живота, слегка присел. Доберман не стал ждать моего приказа – первым шагнул на живую ступеньку. Вставая на руки ногой, он вдруг взлетел – это Ус распрямился и выбросил его из канавы. Вторым в недолгий полет отправился Щекан.

– Теперь я, – Ус вытянул руки вверх. – Мужики, держите!

Поднять стокилограммового мокрого и скользкого сержанта на высоту двух с лишним метров – не вича пристрелить. Сверху упирались Доберман и Щекан, а снизу пыжился я, изображая подставку на четырех ногах и собирая всю грязь с ботинок Уса. Я сопел, толкал спиной, потом плечами, упирался в мокрую землю. Потом снова толкал, пока грудь здоровяка не исчезла за земляной кромкой.

– Командир! – физиономия Уса появилась над моей головой.

Мое тело мгновенно взлетело над грязной водой, и уже через секунду я стоял перед своими бойцами.

– За мной! – приказал я, как только Ус выдернул меня наверх. – Задерживаться нельзя, рано или поздно нас засекут.

Оставалась надежда на то, что ливень в ближайшее время не утихнет, и под его прикрытием мы сумеем обойти Тропаревскую чащу, не встречаясь с Тепловиками.

Попасть в точку выхода вичей из зоны отчуждения – наша первоочередная задача. Именно там мы их и перехватим. Не знаю, почему я так решил, но уверенность в том, что беглецы выйдут из леса в ближней к МКАДу точке, вытолкнула все остальные предположения из моей головы.

Не оборачиваясь, я зашагал вперед.

Серая сырая мгла сужала обзор и мешала движению. Мокрая одежда, тяжелая и холодная, сковывала тела. Ливень не утихал. Приходилось постоянно всматриваться под ноги, чтобы, споткнувшись, не нырнуть носом в очередную лужу. За дождем не была видно даже ближайших деревьев. Только размазанные

силуэты, и те появлялись только тогда, когда мы проходили слишком близко от них.

В общем, погода играла нам на руку. Шум бесчисленного числа капель дождя, усиленный шорохом листвы, превращался в гул, давил на уши и заглушал не только звук наших шагов, но и треск ломаемых ветвей. Именно поэтому, когда прямо передо мной возникла стена жавшихся друг к другу молодых деревьев, я, не задумываясь, приказал группе двигаться прямо через нее.

Ус, как живой таран, вломился в плотную чащу переплетенных стволов, ветвей и влажной листвы. Свой автомат он передал мне. Это было наше единственное оружие, если не считать длинной ржавой арматуры, которую Щекан отыскал в траве, пока Ус тащил меня из ямы. Был еще тяжелый тесак. В руках сержанта он превратился в мачете и сейчас выписывал петлеобразные зигзаги.

– Шифф! Шифф! – шипел рассекаемый воздух. Звенели разрезаемые ветви. Шуршала падающая листва. Летели во все стороны длинные нити воды, срывающиеся с острого лезвия. За спиной Уса оставалась широкая просека, хотя временами мне казалось, что орудие Уса прорубает коридор и в падающей с небес водяной стене.

Вглядываясь в непроницаемую пелену дождя, я не какое-то время забыл о своих бойцах, а когда обратил на них внимание, удивился. Мои ребята не робкого десятка, но сейчас я не мог поверить, что передо мной опытные вояки, а не зеленые новобранцы. Доберман пугливо озирался, Щекан заметно нервничал и периодически подталкивал в спину Уса. Пытаясь найти причину излишней суеты, я вспомнил свои мысли в момент, когда ощутил себя распятым между березами. Все сразу встало на свои места. Кого не ужаснет угроза быть съеденным инфицированными. Застреленным, убитым любым другим способом, но не съеденным же. Впрочем, может, это только мой мозг родит такие страхи.

Как бы оно ни было, но сейчас бойцы явно были выбиты из привычной колеи. Они нервничали и путались. Думаю, если бы не деревья и кусты, мои ребята рванули бы через зону бегом, хотя уж кому-кому, а им-то должно быть известно, что спешка и суета на чужой территории до добра не доведут. Те, кто об этом забывал, быстро расставались с жизнью. Осторожность и спокойствие – залог успеха и долгой жизни любого бойца.

Березовый молодняк закончился так же неожиданно, как и начался. Обрубки ветвей больше не мелькали перед глазами. Идти стало гораздо легче, но это-то меня и настораживало. Видимость улучшилась, но не только для нас. Боясь, что мои вояки бросятся вперед бегом, я приказал всем остановиться и пошарил по карманам. Неожиданно рука моя наткнулась на брикет сухого пайка, и я удивился: как он оказался в куртке?

Я едва не сел на задницу. Каким образом еда могла уцелеть после того, как наше оружие и вещмешки перекочевали в руки скрипушников? Я пошарил в карманах куртки в надежде отыскать еще что-нибудь полезное. Но нет – больше ничего.

– И все-таки не пойму я, зачем майору большие, если у него под боком их как грязи? – Ус устроился на почерневшем от времени пне. – Подожди, пока солнце выглянет, и бери любого, – продолжил он, развязывая свой вещмешок.

Доберман обернулся к сержанту. Пожал плечами, как будто вопрос предназначался ему. Достал из кармана сухпай.

Я в немом удивлении вытаращился на запечатанный брикет – неужели скрипушники не удосужились проверить наши карманы и проворонили продукты? Как ни старался, но понять, каким образом мой сухой паек из вещмешка перекочевал в карман куртки, не мог. Если, конечно, не предположить, что его туда переложили сами скрипушники. Поверить в это я не мог, да и не хотел – чего уж врать. Это что же тогда значит, пожалели они меня что ли? Ха! И Добермана, значит, пожалели.

– Последнее забирают друг у друга только звери, – заявил Ус, разглядывая мою вытянувшуюся физиономию.

– Как же, звери! Ты нашим орлам с гарнизона это скажи. Думаешь, скрипушники оставили жратву, чтобы убедить нас в том, что они не звери? – я злился. – Зачем им это?

– А что если они так живут – по-людски? – вопросом на вопрос ответил Ус.

– Скрипушники – по-людски? – я скривился. – Не смей!

Молчание повисло в воздухе. Если, конечно, можно называть воздухом серую водяную пелену, окружавшую нас со всех сторон.

Я больше не смотрел в сторону Уса.

Ну не идиот ли? Я злился – не мог допустить, что враг может быть милосерден даже там, где любой из нас без малейших сомнений всадил бы пулю в лоб любому заразаному. Просто так – подстраховаться.

Попытки найти даже самое неправдоподобное объяснение результата не дали. Не мог продуктовый брикет попасть в мой карман. Никак не мог! Если только... Нет, но это полный бред! Я с надеждой посмотрел на Щекана и медленно спросил:

– А твой сухпай где?

Тот похлопал себя по карманам и полез за пазуху.

– Твою же мать! – вырвалось у меня, когда перед глазами появился запечатанный брикет. – Это что же получается?

– Получается, что они вас от самих себя защищали, – буркнул Ус и раздраженно продолжил. – Оружие отняли, а жратву оставили. Будь у вас автоматы, вы бы вынудили их убивать. А им этого не хотелось. Иначе...

Я раздраженно отмахнулся:

– А ты откуда знаешь, что им не хотелось, а что хотелось? Жратву оставили? Как же, как же! Приступить к приему пищи! – приказал я, ощущая себя полным идиотом.

Говорить не хотелось. Сунув обломок сухого брикета в рот, я стал ждать, когда слюна растворит безвкусный спрессованный брусок.

– Больше привалов не будет. На марше без приказа не спешить. Всем понятно? – повернулся я к Усу, замечая отстраненную улыбку на его задумчивой физиономии.

Он наверняка был уверен в своей правоте, – я с трудом проглотил противную кашу, имеющую привкус пригоревшей гречи с кусками хрустящего на зубах, прогорклого сала.

Короткий привал закончился, и наш маленький отряд продолжил движение. Первый – Доберман. За ним Щекан и Ус. Следом уже я с автоматом наперевес. Чуть приотстал – нужно видеть всю группу.

В голове рождались странные мысли, появлялись неприятные вопросы. А если заражусь, что тогда буду делать? Спрашивая себя и не находя ответа, я скрипел зубами. Остаться одному наедине с тревожными мыслями не хотелось, и я поспешил вдогонку за сержантом.

– Если они такие добрые, то зачем маски забрали? – спросил я с вызовом, и тут же вздрогнул, понимая, что же меня все это время угнетало. Если они лазили по нашим карманам, а мы в это время были без масок, то они могли передать нам свою заразу.

Прогоняя страшное предположение, я не выдержал и застонал. Безумный крик, стоило вспомнить, где мы находимся, застрял в моем горле.

Ус, не обращая внимания на мой стон, скоро ответил:

– Может, думали, что без масок вы дальше не пойдете? Может, хотели одного, чтобы вы быстрее оставили их в покое и вернулись туда, откуда пришли? А насчет заразы, – сержант секунду помолчал, как бы решаясь, говорить или нет, и только после этого уверенно добавил: – Не думаю, что они так страшны, как мы их...

Я остановился:

– Как это?

В это время Ус замер как вкопанный и, прижимая палец к губам, длинно зашипел, призывая всех к тишине:

– Чшш!

Свистящий звук раздался где-то недалеко.

– Лежать! – взвизгнул я, падая на землю.

Но было поздно. Из мокрой серости выскользнул небольшой камень и ударил Добермана в висок.

Мое тело коснулось земли, и я откатился в сторону. Сжимая холодный и влажный рифленый рожок, повел стволом калаша. Глупо палить в невидимого противника, когда у тебя с патронами тухляк, но, чтобы предупредить Тепловиков, что и мы не беспомощны, я все-таки выстрелил одиночным наугад, примерно в том направлении, откуда бил пращник.

Сквозь шелест дождя слышались чавкающие звуки удаляющихся шагов. Снайпер один и, понятно, не решится показаться нам на глаза. Затаится неподалеку и будет ждать своих.

Подползая к Доберману, я вгляделся в неподвижную бледную физиономию. Кровь на виске. Яркое алое пятно на белом неподвижном лице быстро бледнело. Ручейки, розовеющие под струями дождя, быстро стекали на землю.

Вначале гайка Колобку, теперь камень-кругляш Доберману. Что же это получается, ров этот – только для нас, чтоб не совались в Мертвый стан. А бандитам он не помеха – свободно убивают и с той, и с другой стороны.

Зачем же мы его рыли?

– Нужно уходить, пока другие стрелки не прибыли, – прошептал я и, поворачиваясь к Усу, кивнул в сторону плотной кучки невысоких кустов.

Не успел я договорить, а Щекан уже полз к сгустку переплетенных стеблей, вжимаясь мордой в мокрую грязную траву и быстро вихля тощей задницей.

Двинул и я следом, но на полпути к укрытию услышал возню за спиной и остановился. Поворачиваясь, коснулся взглядом Добермана, и возмущенно уставился на Уса, нависшего над его неподвижным телом. Сержант принаравливался поудобнее перехватить тело рядового.

Он что, мертвяка тащить на себе собрался?

- Брось! - зашипел я, замахал рукой.

Неужели он не понимает, что далеко уйти с такой обузой не получится? Я вдруг вспомнил нашего майора и, подражая его манере отдавать приказы, рявкнул:

- Сержант Ус, отставить! Ко мне... - И чуть было не добавил «бегом марш!», но вовремя остановился.

Дождь неожиданно прекратился, стих шелест падающих капель, а вместо него со стороны тепловиков послышался знакомый свист - так звучит раскручиваемая праща.

- Ко мне! - рявкнул я. Не целясь, выстрелил на звук и в тот же миг вздрогнул - локоть обожгла раскаленная боль. Руку напрочь парализовало.

Меткий чертяка попался, точно бьет. Такому и автомата не нужно. Только почему не убивает?

Ус с большой неохотой подчинился приказу, понял, что будет следующим, в кого пращник точно не промажет; бросил Добермана и, что-то бормоча, неуклюже пополз за мной. Когда густые заросли сомкнулись за его спиной, он в отчаянии замотал головой из стороны в сторону.

- Он был еще жив, лейтенант! - делая ударение на моем звании, он, казалось, хотел отползти подальше от меня, тем самым демонстрируя свое отношение к моим приказам.

Желтеющие листья надежно скрывали нас от снайпера-пращника, но, несмотря на это, Ус не решался подняться с земли.

- Мы его бросили! - повторял он, беззвучно барабаня кулаками по мягкой земле.

Я начинал злиться и, хотя мне самому не нравилось, что мы вынуждены оставить Добермана, раздраженно процедил:

– Ты хотел остаться с ним и лежать рядом с дыркой в башке?

Не найдя что ответить, Ус виновато уткнулся глазами в мокрую землю и едва заметно пожал плечами.

– Ладно, отставить сопли! Если его до сих пор не убили, то, нужно думать, не убьют и дальше. Живой он им нужен. Позже вытащим! – пообещал я, хотя сам не особо верил тому, что говорю.

Да и были причины сомневаться. Что можно сделать с одним автоматом на троих? Единственное место, где нас не должны искать, находится здесь, решил я. Никто не поверит, что мы, имея силы, не вступили в бой, и уж тем более никто не подумает, что, не имея их, мы не удираем со всех ног, чтобы оказаться как можно дальше отсюда. Вот только отсиживаться в кустах у нас времени нет.

Я осторожно подполз к самому краю зеленого укрытия. Высунул голову из кустов. И именно в этот момент впереди мелькнула фигура пращника. Низкорослый мужик тащил за ноги безвольное тело Добермана. Пока я ловил его на мушку, он исчез за деревьями. Чертова рука! Локоть опух, пальцы с трудом подчиняются моим приказам. Тут не то что метиться, – шевельнуть и то с трудом удается.

Сзади заскрипела трава. Не дожидаясь, пока Ус подползет ближе и обнаружит исчезновение Добермана, я метнулся ему навстречу. Теперь можно было подняться на ноги – пращник еще некоторое время будет занят своей ношей.

– Вперед! – кивая перед собой, скомандовал я.

Ус на мгновение заглянул мне в глаза и, как показалось, все понял. Молча кивнул, проворно вскакивая, двинулся за мной. Теперь все зависело от времени, которое понадобится пращнику, чтобы добраться до своих. Это если он был один, а если не один, тогда...

Я вспомнил приказ майора. Конечно же, как я мог сомневаться? Выполнение задания – прежде всего. Важнее жизни умирающего бойца, важнее даже моей собственной жизни. Я больше не старался сдерживать себя и перешел на бег. Мокрые ветки больно хлестали по лицу, но я не обращал на них внимания – все мои мысли были заняты беглецами. Нужно догнать заразных, иначе...

А что, собственно, иначе? Ну, проберутся они за кольцевую дорогу. Можно подумать, там своих вичей не хватает. Нет, прав Ус, что-то здесь не так, не простые, значит, это вичи. Не зря ведь майор приказал: доставить живыми. Размышляя на ходу, я совсем забыл об осторожности и, когда неожиданный рывок остановил мой бег, не сдержался.

– Черт! – выкрикнул я.

Резкая боль ударила в стопу. Что-то (или кто-то) с громким щелчком схватило меня за ногу, впилось в ботинок и, разрывая кожу, дернуло назад. Инерция бросила тело вперед, и если бы не железная хватка Уса, лежать бы мне с разбитой мордой в грязи – успел поймать меня сержант. Вынужденный остановиться, он опустил голову. Разглядывая громадный капкан, в пасти которого торчала моя нога, укоризненно покачал головой. Наклонился, с трудом разжал железные тиски с большими, острыми, треугольными зубьями, на которых осталась алая моя кровь. Несколько красных пятнышек – несерьезно. Да и боль быстро стихла, стоило только холодной воде проникнуть через рваную дырку в ботинке.

– Нужно осмотреть рану, – заявил Щекан.

– Потом! – отмахнулся я и осторожно пошевелил стопой.

Боль нехотя вернулась, обожгла мокрые пальцы и, разливаясь по ноге, двинулась к щиколотке.

– Все потом! – повторил я бодро и зашагал мимо берез.

Высокие белые стволы – со всех сторон. Стоят, заляпанные черными пятнами, так близко друг к другу, что плотные кроны закрывают небо непроницаемым зонтом, и только когда мы проходим через небольшие поляны, мрак у их оснований на какое-то время рассеивается.

Метров через триста пришло ощущение, что мы не одни. В полумраке чащи что-то произошло. Что-то, что меня насторожило. Я, замер, озираясь по сторонам, попытался определить, откуда исходит угроза. Без толку – никаких движений, только шорох листвы и редкий хруст ветки вдалеке. Вот еще один, теперь

гораздо ближе и откуда-то сверху. Кажется, что звучит прямо над головой. Медленно поднимая глаза, я столкнулся с внимательным взглядом испуганного мальчишки. Тот прятался на высоте нескольких метров, среди ветвей, едва заметный на фоне густой листвы. Понимая, что его обнаружили, паренек заорал благим матом и полез по стволу еще выше, к самой верхушке березы. Искривленное криком лицо смотрело в одну сторону – туда, где исчез пращник. Видимо, малолетний наблюдатель ждал сигнала.

– Ах ты, дрянь! – вскидывая автомат, я попытался совладать с тяжелой, непослушной рукой.

Онемевший палец коснулся спускового крючка, но в тот же миг перед лицом возникла разъяренная физиономия Уса. Громадная ладонь закрыла дуло автомата.

– Ты что делаешь? – зашипел он, и мне показалось, что сержант с трудом сдерживает себя, чтобы не дать мне по морде. – Он ведь ребенок!

– Это ты что делаешь? Если этот уродец сейчас же не заткнется, то через десять минут здесь будет весь Мертвый стан.

Ус нахмурился. Я был прав, но он никак не хотел соглашаться с необходимостью убивать мальчишку. А тот продолжал заливаться соловьем. То завывая, то переходя на свист, он словно напрашивался на пулю.

– Ладно, уходим, – кивнул я нехотя.

Довольный Ус хлопнул глазами, одобрительно качнул головой и рванул вперед, торопясь увести меня подальше от визгливого сопляка.

Черт, нельзя же так! Ведь скоро совсем хребет потеряю. И что тогда? В рядовые? Майор наш не потерпит соплей и сантиментов – сразу разжалует, не посмотрит на наши с ним дружеские отношения. И будет прав. Прощай тогда мечта о квартире со всеми удобствами, с бойцами возле подъезда и высокой изгородью перед домом, через которую ни одна тварь при всем своем желании не перелезет. Прощай спокойная жизнь, прощай долгожданный ребенок. Не в казарме же его рожать. Хотя, Марта и к этому готова...

Ну уж нет! Больше не позволю Усу помыкать собой, даже если передо мной будет его мать, без колебания выстрелю. И пусть идет он со своей совестью куда подальше. Сердце, видишь ли, у меня есть. Сердце в наше время – орган бесполезный, если к нему прислушиваться, жить невозможно будет.

– Правильное решение, лейтенант, – оборачиваясь на ходу, Ус взмахнул громадным тесаком.

– Иди, давай, умник!

Я злился и не мог понять причин своего раздражения. Может, виноваты ошибки, следовавшие одна за другой и превратившие наш поход в сплошную череду бестолковых решений, а может, крамольные мысли – лезут в голову, хоть башкой в березу с разгона. Не привык я столько думать, а здесь, как заведенный: одна мысль сменяет другую.

Соберись, а то затянувшийся поход окончится скорыми похоронами, и будет лежать твое тело в какой-нибудь трубе, как и тело Барсука. Одергивая себя, я поторопил товарищей – крикливый пацан все же замолчал. Дождался гаденыш своих, а может, устал орать. Это мы узнаем в самое ближайшее время. Хотя, лучше бы не знать вовсе. Одно хорошо, патрон сэкономил.

Как назло, разболелась нога. Заныла. Тяжко так. Потом задергала, боль, как зубная, только по всей икре, от пятки до колена. С каждым шагом – все сильнее, пока – через полкилометра – не превратилась в нескончаемый поток невыносимых пульсаций, раскаленным гвоздем пронзающих конечность от кончиков пальцев до ляжки.

Черт! Как же больно! Нужно осмотреть рану, обработать, если... Но где взять для этого время – тепловики уже знают о нашем появлении. Даже не глядя, я знал, что без перевязки не обойтись, ощущал, что пальцы на ногах распухли так, что с трудом помещаются в свободные армейские ботинки.

Дело дрянь! Через полкилометра на смену обжигающей боли пришел леденящий мандраж. Очевидно, случилось худшее, и в рану попала инфекция. Липкий холодный пот крупными жирными каплями полз по спине, озноб накатывал волнами, всякий раз превращая тело в подобие живого трясущегося студня – волна за волной. Но я все еще пытался бежать, хромя и постанывая, с трудом,

но терпел.

– Лейтенант, с вами все в порядке? – робко поинтересовался Щекан, когда я в очередной раз остановился, чтобы отдышаться.

Ус впереди резко тоже встал, поворачиваясь, вперились испуганные глаза в мое лицо. Знал бы кто, как не понравился мне его взгляд. Хотя, могу предположить, что так же, как ему не понравилась моя перекошенная болью физиономия.

Приближаясь вплотную, Ус приложил руку к моему лбу, нахмурился и недовольно покачал головой.

– Нужно было сразу обработать рану!

– Это я и без тебя знаю, – огрызнулся я. – Лучше скажи, в твоём мешке есть аптечка?

Ус еще больше нахмурил брови и исподлобья посмотрел на мою ногу.

– Антибиотиков точно нет. Только бинты и немного перекиси для обработки ран. Все это – мертвому припарка. Нужно что-нибудь убойное. С тебя пот бежит, хоть выжимай.

Лихорадка накатывала длинными волнами, вот и сейчас холодный вал вновь прошелся по всему телу, заставляя дрожать каждую мышцу, каждую клетку обессиленного организма. Ноги, точно ватные, подкосились, навалилось серое беспомощество.

Не знаю, сколько времени я пробыл в отключке, но, когда очнулся, ощутил затылком мокрую землю. Открыл глаза, увидел над головой темнеющее небо и взлохмаченную шевелюру Уса. Шумно сопя, он колдовал над моей ногой. Опуская глаза, я в ужасе замер. Носок, покрытый скользкой сине-зеленой слизью, валялся около развороченного капканом ботинка. Вот уж воистину, что такое не везет и как с ним бороться? Надо ж было так вляпаться.

Сквозь влажные бинты виднелась фиолетовая раздувшаяся нога, гнойный зеленый нарыв выполз из-под марлевой повязки и, похоже, не собирался на этом

останавливаться. Скоро вся нога будет такой же.

Ус заметил, что я пришел в себя, тяжело вздохнул и виновато развел руками:

– Нужно было сразу обработать рану.

После этого он достал из вещмешка пузатую фляжку и зачем-то обильно смочил рану перегонном. И тут я окончательно струхнул – стопа, пока я был без сознания, напрочь потеряла чувствительность. Да и лихорадка теперь не давала расслабиться ни на секунду. Тело тряслось, зубы клацали без остановки.

– Заражение крови! – выдохнул я, вспоминая курсы по оказанию первой помощи.

Каждый чистильщик должен был знать признаки основных и самых опасных заболеваний. Хотя, кто нынче их не знает. Вот и я знал, что недуг мой не передается от человека к человеку, но легче от этого не становилось. В наших условиях – это смертельный приговор.

– Ты это, – пробормотал я, глядя на Уса, – не переводи добро на говно, лучше давай внутрь. Замерз я.

Смотрит сержант на меня, а в его больших влажных глазах плещется жалость. Добрый, зараза! Невмоготу смотреть не его сочувствие. Плюнуть в морду хочется. Ну, нельзя быть таким в наше время!

– Плохо, что задание провалили, не оправдали, значит, надежды нашего командира, – шепчу я, а он только пренебрежительно отмахивается.

Нашел о ком думать. Оно и понятно, не любит он майора. И этого я тоже никогда не понимал. Ведь командир для нас все. Он, как отец, как знамя, как...

– Не об этом нужно думать, – нахмурился Ус. – Если срочно, прямо сейчас, ничего не предпринять, кранты тебе, Серега, – говорит это, а сам тесаком себя по колену лупасит.

Вижу, сказать что-то хочет, но не решается. Дай, думаю, помогу.

- Предпринять? – повторяю за ним и вымученно улыбаюсь, как могу.

Пытаюсь справиться с трясучкой:

- Ты что же, предлагаешь ногу... тесаком?

Ус дернулся, как ужаленный, но виноватое выражение лица никуда не исчезло.

- Скрипушники, они больные, – сказал и замолк. – А значит, должны дружить с медициной. Ну, чтобы выживать, – закончил он после секундной паузы, поглядывая при этом куда-то вверх и за мою спину.

- Ты соображаешь, что несешь? – я не дал ему продолжить.

Мысль пришла. Страшная мысль. Я только начал понимать, о чем он говорит, но уже не мог справиться с собой. Злость заполнила меня без остатка. Я так разозлился, что даже клацать зубами перестал.

- Просить помощи у скрипушников?

Слова превратились в шипение. Я закашлялся, а когда успокоился, проследил за взглядом Уса.

Дырка в бетонной плите, на высоте человеческого роста. На какой-то миг мне даже показалось, что он какие-то знаки подает, а дырка такая же, как та, возле которой Колобка кончили. Вот только не было там заросшей травой канавы, на дне которой я сейчас лежал.

- Ты тащил меня сюда, чтобы отдать скрипушкам? – удивился я, с трудом ворочая распухшим, шершавым языком.

Нога пылала. На смену липкому, холодному ознобу пришел жар. Заледенелое тело, быстро нагреваясь, раздулось до размеров Вселенной. Мысли, путаясь, выталкивали на поверхность сознания злобные рожи, покрытые гнойными язвами. Из темноты небытия всплыли лица мертвых бойцов: Барсук, с рыхлыми кусками мяса на месте лица, Колобок, с гайкой вместо глаза и окровавленной проволокой, торчащей из щеки. Один Доберман явился без крови, постоял перед

глазами бледный и, криво улыбнувшись, стал медленно удаляться, а вместе с ним уходило ощущение собственного тела и мир, окружающий меня. Я умер. Хотя, какое-то время еще различал чьи-то глухие голоса, то удаляющиеся, то приближающиеся тусклыми фонариками из бесконечно-темного далека.

- Тащим к забору? - мигнул один.

- Но, сержант?! - запротестовал другой.

- К забору, я сказал!

- Ты как хочешь, а я не пойду!

Голоса переговаривались, препирались где-то в темноте, в стороне - там, где находилось мое мертвое тело.

- Хррр! - донеслось удивительно рядом, прямо в голове, и кто-то большой и сильный выключил свет...

Скрипушники

Нужно было открывать глаза, но я боялся пошевелить ресницами - не хотелось будить сидящую где-то глубоко внутри меня боль.

Сквозь сомкнутые веки протиснулся солнечный лучик, и в лицо дохнул прохладный ветерок, словно где-то рядом открылась дверь, пропуская свежие потоки осеннего воздуха. Влажная прохлада коснулась лба, холодная вода омыла лицо. Хорошо!

- Хррр! - донеслось над головой.

Прикосновение мягких рук испугало меня больше, чем боль в ноге. Я рванулся в сторону и тут же, открывая глаза, провалился в пропасть, чтобы через

мгновенье приземлиться на утрамбованном земляном полу.

Сквозь полупрозрачные окна пробивался солнечный свет – на дворе утро. Долго же я был в беспамятстве. Уж и не знаю, что они со мной сделали за это время, но пробудившаяся от падения на землю боль полоснула по ступне, метнулась вверх по ноге, но дальше колена не пошла. Я ощущал свои распухшие пальцы, пятку жгло нещадно, как будто нога приклеилась к раскаленной плите. Чуть выше жжение переходило в зуд, а у колена и вовсе исчезало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/gataulin_serгей/peregovorschik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)